

Роман Снеклоф

Тридцать один

ОГНЕВИК

12+

Роман Сmekлоф

Тридцать один. Огневик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34309802

SelfPub; 2018

Аннотация

В тридцати мирах колдовством убирают со стола и подсушивают тосты для завтрака. А тех, кто не способен к магии, презрительно именуют «блёлклыми». Их жизнь тяжела и не переменится к лучшему, пока всем правят чародеи. Но даже у «блёлклых» есть шанс обрести лучшую долю и найти своё место в жизни. Надо лишь отыскать самый сильный артефакт – символ свободы – и вернуть из небытия Властелина, однажды уже победившего чародеев. И вся надежда снова на оборотня, который и сам ещё не догадывается, какие силы ведут его к намеченной цели.

Содержание

Вступление	4
Глава 1. Свобода важнее	9
Глава 2. На одной цепи	49
Глава 3. Странные встречи	86
Глава 4. Побег	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Вступление

Она зажмурилась от яркого света. После тёмного подвала ордена защитников, огромный ослепительный зал угнетал. Вместо потолка над головой переливались застывшие капли светящейся воды. Она медленно стекала по куполу и впитывалась в зыбкие, бегущие волнами стены.

– С прибытием!

Оксана прикрыла глаза рукой и, прищурившись, осмотрелась.

Он стоял в тонкой высокой арке сотканной из ручейков, перекручивающейся, журчащей, мерцающей воды. Высокий, статный, с благородной выправкой. Длиннополый то ли плащ, то ли камзол подчеркивал королевское изящество, а сияние добавляло потустороннего совершенства.

– Ваше величество! – она, подчеркнуто наигранно, поклонилась.

– Перестань, – Константин скривился, – Благоградский трон меня не прельщает, а твоё фальшивое обращение лишь расстраивает.

– Прощу прощения, ваше величество. Не знала, что вы столь чувствительны.

Неудавшийся король горько усмехнулся:

– Зачем ты так?

– А ты? – сухо спросила Оксана.

– Милая...

Он подошел ближе.

– Я стараюсь для всех нас.

– Особенно для моего дяди! – выкрикнула она.

– Милая, он пожертвовал собой для общего блага!

– Оставь эту высокопарную чушь для прыщавых фанатиков!

Оксана отвернулась. В глазах трепетали бессильные слёзы. Развоплотила бы его, растёрла в пепел, развеяла по ветру. Нет, хуже. Сдала бы магистрату! На потеху чернокнижникам. Их заплечных дел мастера сбили бы с него спесь, стерли мерзкую ухмылку с мужественного лица.

– Прости, – искренне выдохнул Константин. – Не знал, что так случится. Моё сердце скорбит вместе с тобой. Дорогая, нас всегда покидают самые лучшие. А нам остаётся лишь нести их знамя. Иначе...

– Его жертва будет напрасной? – заорала Оксана. – Ты это хочешь сказать?

Она повернулась к сообщнику, прожигая горящими от бешенства глазами. Только дрожащие губы выдавали истинное состояние.

– Милая, – Константин печально склонил голову. – Иначе мы станем следующими, – горько договорил он. – У нас не осталось выбора, либо мы их, либо они нас. Звучит пафосно, но я не умею говорить по-другому. Ты прекрасно знаешь, я

вырос при дворе, меня так научили. Я их ненавижу, но меня уже не переделать.

Оксана закрыла лицо руками.

– Мы отомстим за твоего дядю. За моего брата. За всех, кого вынудили расстаться с жизнью, – его голос дрогнул. – И заживем иначе, так, как мы хотим. С тобой вдвоем. Тогда, ты научишь меня разговаривать, как простые люди. У нас будет куча времени.

Константин обнял её, прижав к себе.

Оксана не сопротивлялась, только тряслась от беззвучных рыданий.

Справившись с собой, бывшая защитница отстранилась, а на раскрасневшемся лице застыла отчаянная решимость.

– Они должны почувствовать себя так же, – прошептала она.

– Обязательно, – подтвердил Константин. – Они получат свою долю безысходности и бессилья!

Он протянул руки, и она крепко сжала ладонь.

Вдвоем преодолев сияющий проём пузырящейся водными потоками арки, они вышли в тёмный коридор с теряющимися во мраке стенами. Едва светился только металлический барьер с барельефом. Массивные фигуры, взявшись за руки, перегородили дорогу. Они отдаленно напоминали волшебников, только со слишком раздутыми, мощными, перевитыми бугристыми мышцами телами. Пустые, неживые лица уродовала обреченность. Из груди самого угловатого, с

размазанными чертами, торчал ажурный крест. Тот самый, оберег путей, сотню лет хранившейся в семье Росянка. Другой выплавленный из металла чародей сжимал в ладонях рукоять радужного скипетра. У третьего, болезненно оскалившегося, во лбу торчал хрустальный ключ. Четвёртого пронзил громовой посох из Тринадцатого Тёмного объединенного мира. А за спинами перекошенных колдунов из морских волн поднимались длинные ступени с грозным строем поглотителей. Рога упирались в пустое, без облаков, солнца, луны и звезд, небо. Самое крупное чудище с победно воздетыми руками собиралось выпрыгнуть из барельефа. Кривило клыкастую пасть и тарщилося выпученными глазами. На бугристой башке не хватало одного рога. Выше по лестнице над гротескной стаей поглотителей блестели крепостные ворота, перекрывшие проход в горах.

– Пора пятому ключу занять своё место.

Оксана вынула из бездонной сумки рог. Он сверкал всеми цветами радуги. Свечение разгоралось, и тянулось к барельефу. Безжизненная кость дрожала в руках защитницы, подпрыгивая, как живое, пытающееся вырваться существо.

– Отпусти, – тихо попросил Константин.

Оксана разжала пальцы. Пятый ключ вырвался из ладоней, будто выпущенный из баллисты снаряд. Ударился в потемневший металл и прирос к голове однорогого поглотителя.

– Мы победим! Осталось недолго, – пообещал Констан-

тин.

Защитница едва кивнула, зачарованно разглядывая барьер. Коренастые фигуры магов сомкнули строй, их пустые лица наполнились неустрашимой волей. Зажглись незаметные доселе диски и шестеренки под их ногами. Закрутились, вырывая из витой рамы барельефа вращающиеся валы. Поглотители заволновались, звериные рожи исказила боль. Склонив рогатые головы, они спустились по ступеням, оставив на лестнице лишь одного собрата. Того самого, что обрёл рог. Самое крупное чудовище задрало голову. Пасть распахнулась, и Оксане почудилось, что из глотки вырвался пар. По ушам резанул тонкий свист. Звук крепчал, перенимая басовитые нотки. Поглотитель оскалил длинные клыки и неожиданно замер, поперхнулся. Шестеренки под ногами магов запнулись и истерично задергавшись, остановились. Замерли и вышедшие из пазов валы. Из-за металлического барьера раздался лязг и скрип механизмов, ворота, загораживающие проход в скалах, дрогнули, но так и застыли непроходимой преградой.

– Я добуду шестой, – заверил Константин. – А ты разберись с седьмым ключом!

– Но я так распрощалась с Люсьеном...

– Ты справишься, я уверен.

Глава 1. Свобода важнее

Директор Благоградской тюрьмы не любил кататься на коньках! На первый взгляд у него вообще не было пристрастий, кроме чрезмерной тяги к порядку и чистоте. Но на второй было заметно, как он тяготел к знаменитостям.

– Величественной тюрьме – известнейшие заключенные! – в сотый раз повторил он.

Общение с Евлампием не пропало даром, я вежливо улыбнулся в ответ.

Он имел право так говорить про свой волшебный каземат. Здесь потрясал каждый зачарованный камень. Колдовство таилось во всякой песчинке. В сверкающей солнечным светом пыли. В заполняющем камеры воздухе.

Я вздохнул. Даже всю жизнь вызывавшие трепет чудеса не отвлекали от угрюмых мыслей о символе свободы. Более всего на свете хотелось сорвать ошейник и навсегда избавиться от голема и хранителя вкуса.

– Вам у нас комфортно? – осведомился директор.

Я почтительно кивнул. Не расстраивать же его. Как можно чувствовать себя в кутузке? Чай не императорская гостиница. За решеткой удобно только директору тюрьмы. По крайней мере, по его сияющему лицу кажется, что он счастлив!

Кряжистый коротышка в сером камзоле, весь заросший

рыжей бородой и торчащей во все стороны шевелюрой, протянул руку и, встав на цыпочки, отряхнул ворот моей рубахи.

– У вас прическа неровная, – промычал директор, попытавшись пригладить волосы на моём виске.

Я отклонился назад.

– Чем могу быть полезен, господин управляющий? – поинтересовался я.

Директор придирчиво оглядел камеру. Пустая каменная коробка. Шершавые серые стены без окон, свет тусклым сиянием разливается из гладкого потолка, бросая кривые тени на линялый матрас в углу. Не найдя изъянов, заключённым чародеям не положено личных вещей, управляющий отстранённо сказал:

– Вас ожидает Сыч.

У меня похолодели руки.

– Меня повезут в тайную канцелярию? – сдерживая дрожь в голосе, спросил я.

– Нет, – ответил коротышка, заморгав зелёными глазами. – Он ждет в приёмной. Идёмте. Только по дороге вымойте руки. У вас грязь под ногтями. В таком виде нельзя беседовать с главой тайной канцелярии.

– А с кем можно? – пробормотал я.

Директор не расслышал, попытался приобнять за плечо, не дотянулся и взял под руку.

Я сжался. Единственное препятствие между мной и тайной канцелярией – грязь под ногтями. Избавившись от неё,

я окажусь в руках Сыча без защиты.

Вместе с управляющим, я сделал шаг к глухой стене и в ней прямо на глазах появилась металлическая дверь с засовом.

Голем потряс головой.

– Такое изобилие магических субстанций пагубно сказывается на моём состоянии, – забормотал он.

Я только глаза закатил. Нарочно что ли эти словечки придумывает? Супстанции сами по себе звучат странно, а уж вместе с чем-то пагубным и вовсе зловеще.

Дверь выдернула из стены засов и открылась в коридор. Торцы оцетинились ригелями и защелками. Снизу выдвинулось шесть механических лап, вверху распахнулось решетчатое окно, за которым билось багровое пламя. В языках огня угадывались глаза-буркала и кривая пасть. Такого я даже в академии не видел. Железные когти вонзились в отверстия в полу. Громко щёлкнуло, и по тюрьме эхом раскатился глубокий гул. В двери застучало и заскрежетало. Механические лапы оттолкнулись от пола, и коридор поехал мимо нас. По мрачным тёмным стенам плясали кривые отсветы багрового пламени. Гурьбой упирались в дверь, словно помогали протащить камеру к нужному месту. Мигали и дрожали от напряжения, то вспыхивая ярким заревом, то растворяясь в черноте коридора.

Я потёр глаза. Но сколько не жмурился и не тряс головой – ничего не менялось. Магам лень ходить даже внутри домов,

вот и заставляют безотказные двери двигать стены, вместо того, чтобы лишний раз пошевелиться самим.

– Приехали! – радостно сообщил управляющий.

Дверь прекратила перебирать механическими лапами, и мы остановились.

Не без дрожи в коленях, я переступил порог и, подгоняемый директором тюрьмы, вышел к уборной. Бесконечный коридор тянулся в обе стороны и пропадал в темноте. Каждый шаг отдавался гулким эхом, но быстро стихал, пугаясь собственной дерзости. Тюрьма не переносит громких шагов. Здесь ступают медленно и осторожно, ведь никому неизвестно какой шаг может стать последним.

За спиной грохнуло, как в горах Тринадцатого тёмного объединенного мира. Вжав голову в плечи, я покосился через плечо. Дверь выдрала когти из пола, оторвалась от петель и, переваливаясь на шести ногах, подползла поближе, сверкая в полутьме цифрами «сто тридцать один», номером моей камеры.

Тюремщики звали этих металлических чучел железными стражами, а узники окрестили пёсиками. Они таскались за заключенными, не выпуская из виду ни на мгновение. Наверное, поэтому из Благодградской тюрьмы ещё никто не убежал. Я вспомнил Каменную террасу в замке летучих обезьян. О ней, вроде, говорили то же самое.

Мой пёсик примостился рядом. Языки бурого пламени выскакивали из-за решетки, пытаясь меня лизнуть.

Директор потянул за руку, и я перестал озира́ться.

– Не волнуйтесь, вы столь известная личность, что обращаться с вами неподобающе не рискнет даже тайная канцелярия, – сообщил он.

Я недоверчиво помотал головой. Когда это я прославился? Я что Оливье? Хотя директору виднее. О популярности ему известно больше всех. Он тащится от знаменитостей, как орк от дурман-травы.

– Будем надеяться, – недовольно заметил Евлампий.

– Никак не привыкну к вашему голему, – натужно улыбувшись, выдавил управляющий. – Дрожу от одного голоса.

– От моего обделался бы! – грозно пропищал Оливье.

– А я к вашему стражу, – сознался я, стараясь не замечать скрежет железных лап по полу, а заодно дядины реплики.

Видим и слышим хранителя вкуса только я и Евлампий. Думаю, это всё из-за цепи. А вот как на неё попал Оливье – настоящая загадка. Он больше молчит, а когда злоба накапливается и распирает изнутри, выдаёт очередную гадость.

– И давно меня все знают? – поинтересовался я, проходя в уборную.

Длинный тёмный коридор с шершавыми голыми стенами и сводчатым потолком угнетал. Болтали, что его прогрызли подгорные черви в скале и никакая магия не разрушит этих проходов. А гильдия Камневаров притащила эту гигантскую глыбу из неизвестных глубин неведомого мира.

В уборной до рези в глазах сверкали надраенные краны

над умывальником, оттеняя почти чёрную плитку.

– После статей в Хронике тридцати миров, – удивленно сообщил директор. – Вы не читали?

– У нас отобрали все вещи, – холодно заметил Евлампий.

– О да, конечно. Мы всё исправим. Пришлю Вам лучшие номера.

– Мне вернут подписку? – обрадовался я.

Директор покровительственно кивнул.

– Могу пренебречь некоторыми правилами, тем более, что это не улика.

– Спасибо, – поблагодарил я, наклоняясь над раковиной.

– Что вы. Поверьте, статьи чудесные.

Я протянул руки, и вода брызнула из блестящего крана. Всегда считал, что чтение для помешанных на знаниях магов. Но раньше про меня не писали. Только один раз на стене туалета в академии: «Дворник метит территорию», но это не считается.

Оливье вздохнул.

– Дивный план, – пробормотал он. – Столько сил в пучину.

– Это ты наплёл в Хронику? – прошипел голем.

– Бросил кость, – парировал хранитель. – Хотел запрыгнуть в знаменитое тело, чтобы идти на всех парусах!

– Когда же ты ухитрился? – спросил я, изображая заинтересованность.

Получилось правдоподобно.

– Сто лет слухи распускаю, – протянул Оливье и, нахмурившись, взвыл. – Я тебе доверял. Ты клялся, что хочешь стать моим учеником, но не стал!

– Что вы сказали? – уточнил директор тюрьмы.

Я замотал головой.

– Ничего. Вода холодная.

– Да, – согласился управляющий. – Сколько прошу огне-
виков добавить пару заклятий, а они всё жмутся.

Закончив мыть руки, я показал чистые ногти.

– Так намного лучше. Идёмте!

Я набрал полную грудь воздуха и постарался придать себе уверенный вид. Даже подбородок задрал кверху, но при входе в приёмную директора зацепился за край ковра и чуть не упал.

– Чтoб их, этих домовых! – проворчал управляющий, взмахнув рукой. – Пыль сожрут, а ковёр не выправят, каждый раз одно и то же.

Невидимая сила подхватила меня и поставила на ноги. Даже отряхнула, охлопав рубаху и штаны. Везет же чародеям, и руками махать не надо. Оправляются, и то волшебством.

– Пыли на них не напасешься! – растерянно брякнул я, не зная, что добавить.

Уверенность поблекла. Спасибо магии, не дала позорно растянуться на полу.

– За домовыми следить надо. Ненадежные существа, – встрял голем.

– Чистая правда! – согласился директор и щелкнул пальцами.

Дверь в приемную захлопнулась и оставила железного стража в коридоре.

Сыч развалился на гостевом диване у стены, небрежно перетасовывая карты. Он с неохотой оторвался от созерцания огромного оранжевого цветка, занимающего противоположный угол комнаты. Над растением висели картины с директором тюрьмы и заключенными. Наверняка известными в Благодарных землях магами, чернокнижниками, учеными и защитниками. Они заменяли окно. В огромной каменной глыбе их просто-напросто не было.

Увидев нас, молодая помощница директора резко поднялась из-за длинного стола заваленного перемигивающимися огнями бумагами и вышла на встречу.

– Доброе утро, мастер Носовский, – проговорила она, опустив огромные зелёные глаза. – Доброе утро, господин директор.

– Мастер? Мастер! – запричитал Оливье. – Этот шелудивый пёс, мастер? Чем же он заслужил подобное обращение? Чем, я спрашиваю?

– Твоим завещанием, – шикнул Евлампий.

Хранитель вкуса горестно взвыл.

– Здравствуйте! – вежливо поздоровался я, стараясь не слушать дядины рыдания.

Управляющий кивнул и озабоченно посмотрел на подчи-

ненную.

– Третий раз со мной здороваются, – тихо сообщил он. – Недавно работает, еще смущается при виде известных персон, – и громко добавил. – Вы можете идти, Ирина!

Услышав своё имя, помощница вздрогнула, и, бросив требовательный взгляд на Сыча, неохотно направилась к выходу из приемной.

– В другой раз! – бросил ей вслед глава тайной канцелярии.

Ирина гордо дёрнула головой, так что рыжие волосы разметались по плечам, и шагнула прочь из комнаты.

– Не стой на дороге! – вскрикнула она, чуть не врезавшись в железного стража, но пёсик на неё не отреагировал, оставшись на прежнем месте.

Вот она какая, популярность! Стоит прочесть статьи.

– Молодежь, – отечески улыбнулся директор.

Отвлеченный своими мыслями, я не сразу понял, о чём он.

– Кузина моей жены. Юна, но амбициозна. Мечтает служить в тайной канцелярии. Талант у неё, безусловно, имеется... – продолжил управляющий.

– Вашу кузину мы обсудим позже. Я обещал рассмотреть её кандидатуру. А пока, у вас, наверно, много других дел, – встрял до сих пор задумчиво молчавший глава тайной канцелярии и добавил, обращаясь ко мне. – Давно не виделись, задержанный.

– Здравствуйте, – выдавил я, не теряя достоинства, и спрятал руки за спиной.

Я их тщательно вымыл, но неловкость осталась. Словно единственное, зачем приехал Сыч – проверить чистоту моих пальцев.

– Я, пожалуй, откланяюсь. Дел, и вправду, невпроворот. После беспорядков на виктатлоне подопечных прибавилось. Глашатай посла Подгорного царства, внештатный советник кабинета министров Чёрной империи. Величественной тюрьме – известнейшие заключенные! – директор гордо улыбнулся. – Будьте осторожны!

– Да, да. Всенепременно. Постараемся не запачкать ковер, – вздохнул глава тайной канцелярии.

Я вздрогнул, но на помощь пришёл голем.

– Господин, в данной обстановке такие шутки неуместны, – жестко объявил он.

– Такие-какие? – покачал головой Сыч. – Разве я фальшиво беспокоюсь о здоровье твоего хозяина?

– Он мне не хозяин! – разозлился Евлампий.

– Это не мешает мне проявлять поддельную заботу. Говорят, – глава тайной канцелярии повернулся вслед уходящему директору, дождался пока тот закроет дверь и продолжил, – здесь ужасно кормят. Зная, как трепетны оборотни в еде, я испугался, что пищеварение задержанного пострадало.

– Спасибо, я хорошо себя чувствую, – заверил я.

Собрав карты стопкой, Сыч спрятал их в тёмно-синий

камзол. Поправил на шее изящный белый бант, и добавил:

– Ваш рацион много для меня значит, – он потёр манишку. – Что же вы не присаживаетесь, задержанный?

Напротив дивана стояли два массивных кресла. Я выбрал то, что ближе к выходу. На случай непредвиденного отступления, и вопросительно посмотрел на главу тайной канцелярии.

– Хотя, вы же и так сидите, задержанный.

– Господин, переходите к делу, – не выдержал голем.

– Торопитесь? – поинтересовался Сыч, озираясь. – Помогите, вам некуда спешить!

– Есть, – ответил я, подумав про артефакт. – Как вы правильно заметили, здесь плохо кормят и кровать жёсткая.

Насчёт матраса я не врал. А Оливье сказал, что кровать развалилась от старости и ее сожрали домовые, и долго смеялся.

– Пусть сбудутся ваши скромные желания, – послушно проговорил глава тайной канцелярии. – Перейдем к нашему делу. Напомните пару мелочей. Кем был ваш спутник до того, как сгорел?

– Маэстро, виртуоз, художник... – начал перечислять я.

– Так мы поссоримся, – грустно заметил Сыч.

– Почему? – не понял я.

– Он спрашивает не про Оливье, – подсказал голем.

И вправду, нетрудно догадаться, но я запомнил об архивариусе. О хранителе вкуса-то забыть невозможно. А по

справедливости должно быть наоборот, ведь я обязан Мровкубу жизнью.

– Господин, позвольте объяснить, – спас положение Евлампий и, дождавшись благосклонного кивка главы тайной канцелярии, продолжил. – Того волшебника мы встретили на Изумрудном острове. Он выпустил радугу в Фейри Хаусе. А мастер Оливье, несмотря на его явное помешательство, предложил...

– Утопить проклятый булжник, где поглубже! – заорал хранитель вкуса.

Голем запнулся. Тяжело привыкнуть, что слышишь то, чего не слышат окружающие, но собравшись с мыслями, продолжил:

– Предложил ему путешествовать с нами. Билет купил.

Сыч кивнул.

– Поверим в невероятное, – протянул он. – Тогда куда делся этот шаловливый волшебник?

– Рассыпался.

– Неужто прямо в пыль? – удивился глава тайной канцелярии. – Тогда точно помешанный, – он понизил голос, наклонившись ко мне. – Слышал они всегда рассыпаются. В гильдии синей небывальщины даже изучали безумное рассыповедение, но больших результатов не добились.

Я поморщился.

– Да нет, – возразил Евлампий. – Он рассыпался потому, что был гомункулом...

– Помешанный гомункул это уже за гранью добра и зла! А волшебных мурашек у него не было? Пренеприятнейшие гады...

Я пожал плечами. Мне лучше помалкивать, чтобы не брякнуть лишнего.

– Я не разбираюсь в магической вирусологии, – сознался Евлампий.

Сыч сдвинулся на край дивана.

– Удобные создания гомункулы. От мага не отличишь, но стоит поджечь, рассыпаются и никаких следов. Будто тень в тень воротилась, что скажите?

– Спросите у стражи арены, они его видели, – подскочил голем.

– Мимо них прошли тысячи чародеев. Вот мастера Оливье, после устроенного скандала, они запомнили. А помещанного гомункула как-то пропустили.

– Но вы же сами его видели...

– Перестаньте юлить, – прикрикнул глава тайной канцелярии. – Когда вы узнали о наследстве, задержанный?

– Позавчера, – честно ответил я.

– Возликовали? – вежливо спросил Сыч.

– Удивился, – протянул я, продолжая сыпать правдой.

Говорят, это лучшее оружие.

– И решили грохнуть старого мерзавца? – добродушно предположил глава тайной канцелярии.

Я чуть не кивнул.

– Решил, осьминог-переросток! – закричал Оливье. – Подговорил архивариуса и убил, – добавил он, вполне искренне всхлипнув и, подскочив на моём плече, заорал с новой силой. – Сычара глухая, я здесь! Гляди, что со мной сотворили! На кого я похож! Глист гальюнный!

К счастью, глава тайной канцелярии его не слышал.

– Нет, – не слишком чистосердечно вымолвил я.

– Покайтесь, задержанный. Кроме вас смерть Оливье никому не нужна.

– Как это? – удивился Евлампий. – А душеприказчик из Фейри Хауса! А любой подданный Изумрудного острова! Да мало ли влиятельных людей которым Оливье успел насолить!

– Я никогда не пересаливал, – обиженно пробормотал хранитель вкуса.

– Положим, – неопределенно проговорил Сыч. – Прямых улик нет, но вы первый подозреваемый. Есть козыри? – добавил он, зашевелив пальцами, будто перебирал колоду карт.

Я замотал головой. К этому жесту даже голем ничего не добавил.

– Встречать вам, задержанный, в тюрьме закаты и рассветы.

Я пожал плечами. Подумаешь, здесь не так уж и плохо. Одно регулярное питание чего стоит.

– Рассветы и закаты, – повторил Сыч. – Вы как слепой колдун, метящий молнией в игольное ушко. Недальновид-

ны! Принц ещё не король. Император требует свернуть раду-гу. Фейри Хаус возместить потери. Все недовольны и обеспокоены нашим общим будущем.

– К чему вы это, господин? – удивился прямолинейный Евлампий.

– Потому что, – недовольно пробурчал Сыч, – Семисвет закрыл границы и император остался без своей любимой рыбалки.

– А мне то что? – вскинул я руки. – Он далеко...

– Далеко ли близко от цепного пса миска. Кто бы знал, тот бы мог и не поддерживать императорское увлечение, а кто не знает, лучше бы держал язык во рту и не размахивал им посреди тюрьмы. Тут даже у цветов есть уши.

Я обернулся, недоверчиво взглянув на оранжевый цветок. Огромные листья-лопухи, толстый, закрытый бутон, мохнатые ворсинки по всему стеблю. Он конечно немного странный, но как ни старался ушей я у него не разглядел. Сидит себе мирно в кадке, не проявляя никакого интереса к беседе. Я снова посмотрел на главу тайной канцелярии.

– Скоро все противники магии исчезнут! – предупредил Сыч.

– Не надо его запугивать, господин, – попросил Евлампий.

– А кого? – совсем расстроился Сыч. – Мне, между прочим, тоже нелегко, я ненавижу рыбалку. А как тогда понять где друзья, а где враги? Вода сейчас не такая мутная, как раньше. Никто больше не работает и на поглотителей, и на

магов!

– О чём вы? – совсем запутался я.

– Ваш слуга расскажет!

– Я не слуга, – повысил голос голем.

Сыч пожал плечами.

– Чтобы сытно есть и глубоко плавать – надо искать влиятельных покровителей...

– Зачем? – глупо спросил я.

– Чтобы выскользнуть из сетей, – прошептал глава тайной канцелярии, глядя на рыжий цветок.

– Объясните, господин, – сухо сказал Евлампий.

– Рука руку зачаровывает. Отдайте символ свободы, берите шхуну и плывите, куда хотите.

Я с трудом сглотнул, вытаращась на Сыча. Даже хранитель вкуса с интересом разглядывал старого знакомого.

– О чём вы, господин? – неубедительно удивился голем.

Глава тайной канцелярии улыбнулся.

– Пораскиньте...

Я замотал головой.

– Зря! Я опасный враг!

Встав, он вынул карты и, вертя их между пальцами, вышел. Я ошарашенно смотрел на пустой диван, пока не вернулась помощница.

– Я видела ваши бумаги, – не глядя на меня, заметила она. – Вы же не убивали своего учителя?

– Конечно, нет, – вскочив, вскрикнул я. – Я не убийца.

– Охотно верю, – пробормотала Ирина, и снова покраснев, склонилась над столом. – А кто тогда?

Я вздохнул.

Помощница поджала губу и глухо проговорила:

– Вы можете идти!

Глядя на неё, я и сам порозовел. Приятно кружить головы симпатичным девушкам. Я непроизвольно вспомнил Оксану и мой пыл угас. Она тоже была милой, а чем всё закончилось! Я поморщился. Лучше не вспоминать. Открыл дверь и вышел в коридор.

– Хуже только штиль, – сообщил Оливье. – Сыч прав! В такой мути ловится крупная рыбка, а я сам сижу на крючке.

Он с досадой дёрнул за цепочку.

– Даже сейчас думает только о себе, себялюб, – с отвращением выдавил Евлампий.

Дядя хмыкнул и обиженно вздёрнул подбородок.

– Вы пожалеете, сухопутные черви, – промычал он.

Мы не ответили. В коридоре поджидал железный страж, а препираться при нём с невидимкой не стоило. Есть у пёсика уши или нет, вопрос сложный, но кое-что ему лучше не слышать.

Вернувшись в камеру, я вошёл в открытый проём, и железный страж занял своё место. Защёлки, засовы и ригели вонзились в стену. Решетка захлопнулась, и дверь исчезла, превратившись в монолитную стену.

– Вежливо проводили, и так же заперли, – философски

протянул я. – Если уже всем известно про символ свободы – оставаться в тюрьме нельзя.

– Да. Скверно всё складывается, – согласился Евлампий. – Зачем ему артефакт?

– Обратней освободить! – ядовито ввернул Оливье.

– Чем бы его заткнуть? – взревел голем.

– Не обращай внимания, – посоветовал я. – От бессилья бесится.

– От чего? – хранитель вкуса задохнулся от ярости. – Отольются вам мои страдания. Еще булькнете на прощание! – нервно добавил он.

– Выплывем, – пробормотал я, засовывая руку под матрас.

Ставив с завтрака бутерброд, я завернул его в салфетку и теперь собирался перекусить. От переживаний у меня всегда просыпался аппетит. Хлеб подсох, а тонкий кусочек сыра стал ещё желтее и загнулся по углам.

– Как при десятибалльном шторме, – подтвердил Оливье. – Сыч применит весь пыточный арсенал тайной канцелярии! В крови купаться будете!

– Да чтоб тебя, – разозлился голем. – Мы? А ты что, не с нами? – он дёрнул за цепь. – Мы скованны. Мы вместе!

– Мы? – заорал хранитель. – Нет никаких «мы»! Есть тухлые устрицы и великий маэстро, виртуоз, художник!

– Тю, – согласился я, пережёвывая крошащийся бутерброд. – Это мы с Евлампием сидим в тюрьме. Ты-то на свободе!

– Я? Я! Я! Я, – зло начал Оливье, и обреченно закончил. – Я здесь.

Опустив уродливую голову, он сел на плечо и обнял цепь.

– То-то же, – проворчал голем.

Я облизал жирные пальцы и завалился на промятый матрас. Голем прав, мы неразлучны. Поэтому, пока не получу символ свободы, надо терпеть неприятное соседство и стараться извлечь выгоду. Как бы ни было противно, но чтобы уцелеть иногда приходится идти наперекор самому себе.

– Не думал, что скажу такое после того, как ты хотел меня убить, но пока мы на одной цепи, давай забудем о вражде.

Я выдохнул. Меня распирала гордость. Никогда не проносил таких длинных, а главное умных предложений. Как говорится, с кем поведешься.

– Не уверен, что это хорошая мысль, – подпортил мой триумф Евлампий.

– Я ничего не забываю, и никому, – Оливье сделал многозначительную паузу, – никому, никогда, ничего не прощаю! – отрезал он.

Я вздохнул.

– Да что ты с ним нянчишься! – взвился голем. – Он даже не сожалеет! Тебя уничтожить хотел! Меня, архивариуса! Сокрушается, что ничего не вышло...

– Прекрати! – перебил я.

– Действительно жаль, – опечалился Оливье.

Я криво улыбнулся. Самонадеянный гад. Хоть сейчас со-

врал бы. Как хочется схватить маленькую тонкую шейку и сдавливать, пока не захрустят крошечные позвонки. Только ничего не выйдет, я проверял. Очнувшись на арене, первым делом попытался удавить, но руки проскакивали сквозь одутловатое тельце.

– Жаль, что вас всех не развеяли, – пробормотал Евлампий, и отвернулся, рассматривая стену.

– Ты говорил, что хранители вне закона, что маги их победили? – вспомнил я.

– Но не уничтожили, – зло перебил голем.

– Нас не сокрушить жалким смертным! – напыщенно заметил Оливье.

– Потому что вас больше нет! – выкрикнул Евлампий.

Хранитель вкуса рассмеялся в ответ.

– Нас намного больше, чем ты можешь представить, булыжник!

– Вы самое отвратительное из существующего в тридцати мирах. Вы должны были защищать тридцать миров, но сами поддались пороку!

Оливье хихикнул и толкнул меня локтем в шею.

– Сейчас голем лопнет от возмущения! Видел когда-нибудь лопнутого голема?

Я не ответил, а Евлампий уже не мог остановиться.

– Ты должен был сделать нашу жизнь необыкновенной! Наделить каждого отменным вкусом! Помочь. Воспитать ощущение прекрасного! А ты! Продаёшь своё искусство тол-

стосумам!

– Тем, кто платит больше, – насмешливо согласился Оливье.

– Хранитель силы должен защищать слабых! Учить равенству и взаимопомощи!

– Чушь! Мы не могли никому помочь, нас держали в заточении!

– А когда вы вырвались на свободу, устроили настоящую бойню! Повергнув тридцать миров в хаос!

– А твои маги ничего не могли сделать. Собачились с оборотнями! – усмехнулся хранитель.

– Вы отвратительны! Вам не место в тридцати мирах! – сорвался на визг голем. – Вы...

Его прервал скрежет засова. Дверь ещё не появилась, а в камеру уже влетел директор тюрьмы. Он ходил сквозь стены, приговаривая: «Для меня в моей тюрьме нет ничего невозможного».

Круглое лицо, топорща усы и бороду, озаряла довольная улыбка.

– Мастер Носовский, вы должны мне помочь!

– Мастер всевластен. Каменную соль от окаменевшего дерьма не отличит, – добавил Оливье.

– Чем могу? – спросил я, сдерживаясь, чтобы не вцепиться в тонкую шею.

Евлампий уселся на моём плече, зажав голову каменными руками, и продолжал бормотать.

– Брат моей жены – главнейший повар его величества, – с гордостью сообщил директор. – Сегодня открытый пир. Король потчует добрых подданных. Мой шурин будет признателен, если вы примете участие. Король останется доволен, если ученик великого мастера Оливье продемонстрирует своё искусство и преданность. В королевстве тяжелые времена. Два короля – слишком много даже для Благодатных земель.

– Какой король? – спросил я.

– Не о том волнуешься, – приснул хранитель вкуса. – Думай, как его не прикончить. Ты же с королями не церемонишься, слизняк якорный!

– Как какой? – не понял управляющий. – Законный король один. Единственный наследный принц Благодатных земель Джон Третий. Константин не король. Он изменник!

Предатель или нет, я с ним незнаком, а вот другую королевскую особу встречал. Мы спасли его от вампира, а он вероломно ударил Оксану и сбежал.

– Я же под арестом! – попытался возразить я.

– Какая разница, если вас приглашает сам король.

– Но я...

– Мастер Носовский, это великая удача. Поразите короля своим искусством и ваше заключение закончится раньше, чем того желает тайная канцелярия. А вам не стоит долго у меня гостить. По секрету скажу, с вами хочет пообщаться следователь магистрата.

– Что? – удивился я.

Перемолотый бутерброд чуть не выскочил обратно. Сначала Сыч с артефактом, а теперь следователь с магистратом, не слишком ли много сюрпризов для одного утра? Этак к обеду окажется, что я незаконнорожденный троюродный племянник младшей сестры прабабки императора, по материнской линии и могу претендовать на краешек трона.

Директор подмигнул, и сделал вид, что не произносил последнюю фразу, решительно предупредив:

– Если вы откажетесь, это воспримут как пренебрежение. Наш монарх молод и не всегда сдерживает буйный нрав.

Оливье довольно заржал.

– Что, олень в тесте, влип? Попробовав твою стряпню, король сдерживаться не будет, даже статейки хроники не помогут, пойдешь по рее рыб кормить!

Я вздохнул, а голем глухо выругался. Мысли о магистрате отступили и позорно бежали. Существует пресловутое тайное общество или нет – это еще вопрос, а о недовольстве монархов оборотни знают не понаслышке.

– Когда? – сдавшись, спросил я.

– Как только вы соберете всё необходимое, – ответил директор.

– А что мне нужно? – обеспокоенно уточнил я.

– О! Все прекрасно понимают, что у такого мастера есть свои секреты. Вам разрешено посетить ваш корабль.

– Это мой корабль! – закричал Оливье, но директор тюрь-

мы его не слышал.

– По завещанию корабль и остальное имущество покойного ваше. Поэтому нет ничего страшного, если вы быстро подымитесь на борт и возьмёте всё, что нужно для праздничного обеда, – пояснил управляющий.

– Да, конечно, – согласился я. – Потребуется моя книга рецептов и некоторые специи.

– Моя книга! – в отчаянии заорал Оливье.

– Вас отвезут на корабль, а потом во дворец. Моя помощница сопровождает вас, – директор тюрьмы улыбнулся, – и во всём будет помогать.

Я обречённо кивнул.

– Вот и замечательно. Можем идти. Всё готово, – он ухватил меня за локоть и потащил к двери, продолжая болтать на ходу. – Вы не представляете, как обрадуется мой шурин. Он мечтал познакомиться с мастером Оливье, но увы, не успел. А вы получили от мастера его знания...

– Дырку от пончика он получил! – закричал хранитель вкуса. – Для знаний нужен талант и ум, а этот бездарный орк всё только портит!

– ...и передадите толику искусства всем остальным! Поделитесь маленьким секретом с моим шурином? У вас, наверное, миллион рецептов. Неужели вам жаль одного для хорошего чародея?

Коридор сдвинулся, подталкиваемый механическими лапами двери, но на этот раз нам пришлось идти самим. До-

браться до тюремных ворот можно только пешком. Таковы правила безопасности. Мы вышли из камеры и зашагали к выходу. Железный страж полз следом, гремя и царапая пол. Багровое пламя отражалось от стен и металось по коридору, разгоняя темноту. Сводчатый поднимался, но не улетел высоко-высоко.

– Замрите! – приказал директор, когда мы добрались до ворот. – Осталась одна формальность.

Я в нерешительности застыл, а металлическая дверь подползла ближе. Я невольно отступил.

– Не двигайтесь, – предупредил управляющий.

Я затаил дыхание, с трудом сдерживаясь, чтобы не пуститься в бегство.

– Что происходит? – затравленно прошептал я.

– Молчите и не шевелитесь, – настойчиво проговорил директор. – Вы должны понимать, я не имею право выпустить вас без охраны.

– Сильные магические возмущения, лучше не дёргайся, – как всегда вовремя посоветовал голем.

Пёсик приближался, а с ним накатывал жар багрового пламени и угрожающе тянулись поднятые железные лапы. У меня вспотели ладони, а колени начали подгибаться.

– Сейчас бешеная дверь прищемит ваши длинные языки, чайки орастые, – весело закричал Оливье.

Железный страж распрямылся. Верхняя пара лап легла мне на плечи, обжигая холодной тяжестью металла. Бурля-

щее за решеткой пламя вспыхнуло и выплеснулось на меня волной, залив от макушки до пят. Я вскрикнул в ожидании боли, но огонь безвредно схлынул. Решетчатое окошко захлопнулось. Пёсик воспарил над полом и, уменьшаясь в размерах приник к моей груди, опутал спину лапами и закрепился на торсе, как рыцарская кираса.

Я тяжело вздохнул. Этого еще не хватало.

– Вынужденная мера, – извинился директор тюрьмы.

Панцирь из железного стража вышел не тяжелый, но жутко неудобный. Я итак не прекрасный принц, а теперь и вовсе был похож на жестяную бочку на тонких ножках.

– Не волнуйтесь, после возвращения его снимут, – убежденно произнес управляющий. – Если не пытаться бежать, вы его даже не заметите!

Я пробурчал, как счастлив носить на себе полтонны железа и повернулся к выходу. Проход загораживал барельеф. Коленопреклоненные чародеи вздымали руки, кричали и будто бы молили о пощаде. На их спины лезли другие колдуньи и так до бесконечности, пока пирамида из тощих каменных тел не исчезла во мраке под потолком.

– Можете идти, – позволил директор, и хлопнул в ладоши.

Барельеф треснул. В глаза впились яркие лучи солнца и мне показалась, что пирамида развалилась и во все стороны посыпались каменные чародеи. Зашуршали раздвигающиеся створки, в ноги ударило облако пыли и каменной крошки. Пока я щурился и кривился, управляющий подвёл меня

к повозке, в которой уже сидела Ирина. Увидев меня, она снова залилась румянцем.

Я оглянулся, тюремная платформа, похожая на ничем не примечательную скалу с острыми выступами, примостилась на окраине города далеко от большой арены. Хотя гигантский шар виднелся и отсюда.

– Не подведите, – заискивающе попросил директор и подтолкнул в спину.

– Постараюсь, – пообещал я, забираясь в повозку.

Сев на скамью, я сдвинул панцирь, чтобы не упирался в ноги.

– Удачного пути! – пожелал директор и хлопнул по борту. – От вас многое зависит! Король такое не забывает.

Панель заехала на место, и мы тронулись. До меня донеслись последние фразы:

– Вы можете стать гораздо известнее!

Я не верил в подвернувшуюся удачу. Я попаду на корабль! Осталось убедить Оливье отдать символ свободы, и мы разделимся. Навсегда!

Голем воспользовался затишьем и, подобравшись к уху, прошептал:

– Мы должны сдать его магам. Хранителям не место в тридцати мирах.

– Не сейчас, – прошипел я в ответ.

Голем отстранился, но, судя по упрямому виду, не передумал.

Я посмотрел на Ирину. Непослушные волосы топорщатся, почти как у дяди. Изумрудные глаза возбуждённо блестят. А от правильных черт лица с задорными веснушками, невозможно оторваться. Она ещё красивее Оксаны. У меня потянуло в животе.

– Мы бессовестно опаздываем. Нас ждёт король Благодатных земель, и мы обязаны сделать всё, чтобы оправдать его надежды и не посрамить доверившихся нам магов, – строгим тоном выдала она заготовленные слова. – Давайте обговорим всё, что вам понадобится. Я помогу собраться. Что вы хотите взять?

От её напора я растерялся. Что я наговорил директору? Мысли разбегались, не собираясь в нужный ответ. Да и наклонившаяся девушка отвлекала. Она прекрасна и так близко. Мы одни в полутёмной повозке. Я помотал головой. Что за наваждение? Судьба предоставила мне шанс, а я отвлекаюсь на романтические глупости. Я попробовал отвлечься, рассматривая необычное украшение на её запястье. Руку охватывал маленький кожаный ошейник с железными клёпками. Такие надевают на крошечных домашних собачек. Зачем он ей? Я уже не мог вспомнить, что она спросила и надеялся только на голема, который и поспешил прийти на помощь.

– Госпожа! Нам нужна книга рецептов, – подсказал он. – и специи.

– Какие вам понадобятся? – заинтересовалась помощник-

ца.

Она чемпион по задаванию вопросов, на которые нет ответов.

Что мне известно о специях? Я невольно почесал ухо. Выходило немного. Практически ничего. Я знаю одну единственную. А они что, бывают разные?

– Нужен перец, – сглотнув, выдал я все имеющиеся знания.

– Перец? – удивилась Ирина. – На королевской кухне тонны перца!

– Мы приготовим много мяса и не сможем обойтись без синего Вишнустанского перца, – еще раз выручил Евлампий.

– Синий? – переспросила помощница. – Никогда не слышала.

– Вы молоды, госпожа, и ещё много о чём не слышали, – заверил её голем.

Ирина густо покраснела и отвернулась к окну.

– Вы неправильно поняли, госпожа. Кулинарное искусство многообразно, – попытался исправиться Евлампий. – Редкие ингредиенты неизвестны даже величайшим поварам.

Девушка не отреагировала, уставившись на проплывающие мимо платформы. Огромный шар арены увеличился, надвигаясь справа, но мы повернули в другую сторону. Может к нему нет прямой дороги? Вряд ли преступников в Благораде возят на виктатлон за хорошее поведение.

– Нельзя быть специалистом во всём. Это не дано даже

самым опытным магам, – уже не так уверенно добавил голем, но помощница не отрывалась от окна.

Повозка не выезжала на главные улицы. Видимо, заключенных запрещено возить через центр города. Мало ли что! Поэтому мы и пробирались узкими мостками с одной заухудалой платформы на другую. Вокруг даже не белели рисовые поля, висящие по всему Благограду.

Оставив бесполезные попытки повлиять на Ирину, Евлампий замолчал. Поэтому решил попробовать я:

– Большое спасибо.

– Пожалуйста, – ответила она, не поворачиваясь.

Точно обиделась. Красавицам не просто угодить даже таким знаменитостям, как я. Что уж говорить о никому неизвестном занудном големе. Он хоть и болтает без умолку, но ведь ещё нужен шарм и обаяние, которых ни у него, я вздохнул, ни у меня – нет.

– Не понял, – шепотом спросил Евлампий, отвлекая меня от нахлынувших мыслей, – о чём говорил управляющий? Мне почудилось или он сказал «следователь магистрата»?

Я вспомнил слова директора. Если магистрат существует, шарм с обаянием не помогут. Архивариус говорил, что якобы там работал, а мы не верили. Что же получается? В Богатых землях и Семисвете, родине Мровкуба, магистрат есть, а в остальных двадцати восьми мирах нет. Я покосился на помощницу.

– Простите, Ирина, – попросил я.

Она нехотя повернулась.

– Господин управляющий, – я старательно подбирал слова, – упомянул в нашей беседе магистрат, – я запнулся, пытаясь придумать, как лучше сказать, – но я считал, магистрата не существует?

У Ирины загорелись глаза.

– Вы попали в точку, мастер! – сообщила она. – Буквально три дня назад магистрата ещё не было, но предательство защитников изменило всё. Маги больше не могут доверять Ордену! Поэтому Император создал магистрат. Они найдут даже поглотителя в самом тёмном-тёмном и заброшенном-призаброшенном углу чистилища.

– Вы не шутите, госпожа? Предательство защитников? – переспросил голем.

Ирина расцвела, от бывшей обиды не осталось и следа.

– Об этом только немые рыбы в Стародоле не болтают! Мерзкие предатели схватили то, что никогда, никто, ни за что не должен трогать. Они... Они... Они похитили ключ от Отдельного мира! – зловещим шепотом рассказывала Ирина. – Защитники, представляете? Легче поверить, что поглотители создали магическую гильдию.

Я вздохнул. Наши страшные тайны известны даже молодой чародейке.

Голем натужно улыбнулся:

– Мы ничего не слышали. Можете рассказать, госпожа?

– Ключ от Отдельного мира хранился в Чёрной империи в

зачарованной пещере и охранялся тридцатью чародеями...

Я не сдержался, прыснув от смеха. Тридцать колдунов? Чего же я их не видел? Они, что отходили поколдовать в одиночестве?

Ирина нахмурилась, и я неловко пробормотал:

– Всего тридцать. Может триста?

– Тридцать, – строго проговорила она, надув губы, но всё же продолжила. – Хватило бы и их, если бы стражи-оборотни не провели предательницу через магическую защиту, иначе ей бы не удалось похитить ключ!

Я нарочито громко прокашлялся и потёр ошейник. Ничего, что я тоже оборотень? А? Я вздохнул, отпустил черную цепочку и махнул рукой. Пора привыкнуть. Конечно, мы виноваты. Маги-то в своих ошибках не сознаются.

– Помилуйте, – остановилась Ирина. – Я не располагаю надёжными уликами, но так в Хронике писали.

– Ничего особенного, – вмешался голем. – Люсьен привык к обвинениям. Расскажите про защитницу, госпожа?

Помощница недоверчиво взглянула на меня.

– Хроника писала, что она из династии основателей ордена, но фамилию в интересах следствия не назвали, – Ирина вздохнула. – Правильно, конечно, но можно с ума от любопытства сойти. Эх, если бы я знала побольше, непременно распутала это дело! – горячо воскликнула она. – Защитница чуть не убила кардинала. А какой мотив? Защитник заколдовал защитника! Безосновательно? Не верю.

– Он выжил? – с трепетом протянул я.

– Да! – отозвалась помощница. – Но предательница сотворила непростительное злодейство – отняла его волшебную силу.

– Кошмар! – подыграл Евлампий.

– Это – отвратительно! На такую низость способны только поглотители, – согласилась Ирина. – Я бы умерла, случись со мной такое.

– Подумаешь, – пробормотал Оливье. – У меня отняли всё, даже старое дряхлое тело. В котором я, между прочим, мог ещё через все миры переплыть.

– Нечего было лезть в моё! – прошипел я, прикрывшись рукой.

– Что вы говорите? – не поняла помощница.

– Отнять магию! Ни в какие заклятья не лезет! – кивая, подтвердил я.

– Именно, – Ирина чуть наклонилась в мою сторону. – Император в ярости. Резиденция ордена защитников разрушена, – добавила она, – но заговорщиков всё ещё ищут. А зацепок никаких.

– Пропажу ключей теперь расследует магистрат?

– Ну не защитники же, – всплеснула руками помощница. – Только представьте, ещё недавно многие мечтали стать одним из них, – она опустила глаза. – Даже я. А теперь придётся довольствоваться тайной канцелярией. Может быть когда-нибудь я и удостоюсь высокой чести и попаду в маги-

страт, но когда это ещё будет, – она облизала губы. – Там служат достойнейшие волшебники тридцати миров. Директор академии волшебства Черногорска, – начала перечислять она. – Высший судья Тринадцатого Тёмного Объединенного мира.

Мы с Евлампием переглянулись. Сплошные сюрпризы.

– Высшая жрица Кудара из Блэк Бука, – добавила Ирина и наморщила лоб, попытавшись вспомнить другие имена.

– А от Благодатных земель? – спросил голем.

– Архимаг Благолюб, – сообщила Ирина. – Увидите его на открытом пире. Будет шастать со своим посохом... Ой! Я этого, не говорила!

– Ничего не слышал, – заверил я. – А вы случайно не знаете, кто хотел встретиться со мной?

Помощница пожала плечами.

– Спросите господина управляющего.

– Да, конечно. – согласился я. – Понимаю, вы не можете обсуждать такое с заключенным. Тайна следствия!

Ирина зарделась.

– Или не знаете, – намеренно громко пробормотал Евлампий.

Девушка поджала пухлые губы, но сдержалась.

– Для волшебного слуги, ты слишком дерзок! – заметила она.

Голем уже хотел ответить, но я его перебил:

– Прошу его простить, но он не слуга, а мой друг.

Помощница хмыкнула что-то неопределённое, но отвечать не стала. Нетерпеливо поёрзав на скамье, она предложила:

– Ответьте на мой вопрос, а я на ваш.

– Конечно, – закивал я.

– Почему учитель оставил всё своё имущество именно вам? Разве не подозрительно?

Ирина сощурилась, пристально разглядывая меня.

– У него больше никого не было, – нашёлся я, – ни чужим же оставлять? Он пришлых-перекатных недолюбливал.

Оливье хмыкнул.

– Я сам теперь никому ненужный, хуже юнги забитого.

– Это ничего не проясняет, скорее наоборот, – пробормотала помощница, зыркнув бездонными глазами. – Посол Семисвета. Он прибудет на открытый пир, но я вам ничего не говорила.

– Разве Семисвет не закрыл границы?..

Голем не успел договорить, повозка замедлила ход и остановилась. Ирина постучала по крыше.

– Приехали, – сообщила она. – Выходите первым.

Оливье дёрнулся на цепочке, но сначала вылез я.

– Помогите госпоже, – прошипел Евлампий.

Я повернулся к повозке и галантно протянул руку. Ирина задумчиво улыбнулась и едва коснувшись моей ладони спорхнула на пандус.

– Можно? – показывая на повозку, попросил я.

Помощница кивнула, и я хлопнул по борту. Повинуясь команде, панель заехала на место, а я довольно усмехнулся.

Мы остановились напротив парадного входа большой арены, через который проходили два дня назад. Оливье посмотрел в сторону стражников, стоявших у зачехленного магоскопа, и философски произнес:

– Дорога в никуда! На ней разрушаются мечты!

– У кого как, – решил съязвить я.

– Что вы сказали? – не поняла Ирина.

Я повернулся. По пандусу гулял ветер. Нежное голубое платье колыхалось на помощнице, то облегая её стройную фигуру, то развеваясь. Она была столь прекрасна и обворожительна, что я невольно замер, забыв, что именно собирался соврать. А когда она рассеянно улыбнулась, ожидая ответа, у меня сбилось дыхание.

Я так разнервничался, что случайно ляпнул:

– Вы восхитительны!

– О! – протянул голем.

Ирина удивленно посмотрела на меня, но ничего не ответила.

– Да ты ведьмин угодник, заморыш, – вскрикнул Оливье, на мгновение став прежним балагуром.

Теперь покраснел я. Стараясь не смотреть друг на друга, мы с помощницей двинулись к краю пандуса.

– Сдадим его страже арены, – подбравшись к моему уху, предложил голем.

Я покачал головой, и Евлампий зашипел в ответ на мой отказ.

Мы зашли на подъёмник. Безоблачное небо сверкало. То, что несколько дней назад выглядело жутким, яркое солнце раскрасило в теплые цвета. Даже чёрная шхуна качалась у причала не так угрожающе, как всегда. Или мне только казалось?

По пристани сновали моряки и грузчики. Пока существует виктатлон они без работы не останутся.

– Люсьен, а может это вас хотели убить, а не учителя?

Я ошарашенно обернулся, уставившись на Ирину. Она порозовела, но не отступила. Даже наоборот сделала шаг в мою сторону.

– Вы думаете – это случайность, госпожа? – встрял голем.

– Не знаю, – со вздохом выговорила помощница. – Но, если я распутаяю это дело, меня обязательно примут в тайную канцелярию. Так что я сделаю всё! Вам угрожали?

– Нееет! – протянул я. – Я всего лишь ученик.

– Вы что-то не договариваете, – нахмурилась Ирина и сощурилась, разглядывая меня.

Я покачал головой.

– Если бы я мог вам помочь, то с радостью бы...

– Посмотрим, – ответила помощница, но чувствовалось, что она не верит. – Идёмте, у нас мало времени.

Чем ближе мы подходили к шхуне, тем больше я волновался. Вдруг корабль меня не примет? Вот решит гремлиин,

что я не достоин взойти на палубу и что тогда? А может, и того хуже. Никогда не забуду, как он разделался с летучими обезьянами в мире Изумрудного острова.

Шхуна приближалась и, ещё недавно светлый день мрачнел. Когда мы подошли к трапу, чёрным стал не только парусник, но и весь мир. Хотя тучка и закрыла солнце по-настоящему.

Лоб покрылся испариной. Я с ужасом представил, как поднимаюсь по трапу, а он изгибается и сбрасывает меня вниз в крутящийся водоворот прилива. Я замотал головой. Хватит! Ничего не случится, я же наследник.

– Подождите, – скомандовала Ирина, – я должна до вас дотронуться, – она несмело приблизилась, но сжав губы, решительно распахнула окошко на панцире.

Багровое пламя выплеснулось на пристань. Железный страж разжал лапы и соскочил вслед за огнем. Всосал пламя и по-паучьи побежал по трапу.

– Он всё проверит, – пояснила помощница.

Я кивнул. Пускай обнюхивает. Как раз вовремя.

Пёсик забрался на корабль, и я с облегчением вздохнул. Пока гремлин бездействовал, или выжидал. Кто поймет, на что он способен?

Железный страж унесся на палубу. Повертелся, осматриваясь, и ловко поднялся на капитанский мостик.

Я затаил дыхание.

Пёсик запрыгнул на штурвал.

Я потёр подбородок. Тревога рассеялась. Шхуна не пыталась пришлѣпнуть железного стража реями или придушить парусами. Так что, скорее всего обойдется. Может гремлину все равно кто управляет судном?

Пѣсик спустился на палубу и поднял вверх одну из лап.

– Путь свободен, – пояснила помощница.

– Только после вас, госпожа! – обходительно предложил голем.

Ирина начала подниматься по трапу, и я пошѣл за ней. Настороженно озираясь. Вроде ничего опасного, но что-то всё же не так. Я нервно облизнулся. Странно. Пусть гремлин такой лояльный, это я допускаю. Сомнения есть, но пусть. А куда подевался Чича? Тоже на всё плюнул? С трудом верится.

Я затравлено осмотрелся.

– На мель сел? – с ухмылкой поинтересовался Оливье.

Я не ответил. Чего с ним разговаривать. Помощи никакой, вред один.

– Так-то, – не успокаивался хранитель вкуса. – Чича тебе кишки выпустит! Он преданный матрос.

Я невольно вздрогнул.

– Перестань дѣргаться, – прошептал Евлампий. – Он нарочно тебя изводит.

Хотелось положитьсь на голема, но я не мог не волноваться.

– С чего начнем? – поинтересовалась Ирина.

– Простите, – протянул я, пытаюсь сообразить, что сказать.

– Нам надо переодеться, – вместо меня закончил Евлампий. – Непозволительно предстать перед королем в подобном виде.

Я кивнул и направился к дядиным покоям. Пёсик остался у трапа, а вот помощница последовала за мной.

– Сейчас при дворе актуален синий, голубой и лазурит, – по-деловому сообщила она.

– Поможете Люсьену переодеваться, госпожа? – уточнил голем, пока я открывал дверь.

Ирина остановилась, как вкопанная.

– Сами справитесь, – отрезала она.

– Он же сбежит, трусиха! – заорал Оливье.

– Мы недолго, – вздрогнув от его вопля, заверил Евлампий.

Не глядя на помощницу, я проскользнул в дядины покои, запер дверь и прислонился к ней спиной.

Глава 2. На одной цепи

– Какого поглотителя тебе надо в моём кабинете, сухопутный блохонос? – подал голос Оливье.

Я перевёл дыхание, глубоко вдохнул и уверенно произнес:

– Мы на одной цепи, и если ее снять, освободимся!

– Вполне вероятно, – откликнулся голем.

Хранитель вкуса промолчал.

Решив, что он готов слушать, я продолжил.

– Скажи, где символ свободы, и я освобожу нас!

В ответ Оливье засмеялся. Протяжно, истерично. Безумно.

– Как? Отдашь Сычу? – проблеял он.

– Нет, – возмутился я. – Сниму ошейник.

– Думаешь, – взвизгнул он, – я об этом не подумал? Да, я тысячу раз проклял свою жадность!

– Зачем? – не понял я.

– Ты жалкий орк!

– Прекратите оскорбления! – закричал голем.

– Я его похвалил! – ответил Оливье.

Голем вздохнул.

– У вас нет символа свободы? – разочарованно спросил он.

– Конечно, нет, – захрипел хранитель. – Если бы был, я

давно бы предложил им воспользоваться!

– Почему вы не сознались? – разозлился я.

– Зачем? – удивился Оливье. – Твои умалишенные родственнички все нервы мне вымотали! Продай артефакт! Продай артефакт! Ну, продай артефакт! Две цены даем! – передразнил он. – Чтоб они на век кости просалили.

– Но почему вы не продали? – закричал я.

– Потому что, его уже не было! – отмахнулся хранитель вкуса. – Они опоздали, я его обменял.

– На что? – не поверил я.

– На рецепт.

– Чего? – озверел я.

– Каменного салата.

Я не верил ушам. Безумец променял ценнейший артефакт на салат. Я убью его!

– Каменный салат? – удивился Евлампий. – Его рецепт утерян с гибелью Стародола!

– Именно, – воодушевился Оливье. – Я единственный из ныне живущих знаю его.

– Но как? – воскликнул голем.

Я замахал руками, пытаюсь схватить хранителя, но пальцы прошли насквозь. Я взвыл от бессильной ярости.

– Вызвали дух главного королевского повара Стародола, – игнорируя попытки сцапать его, ответил Оливье. – Он всё выболтал. В бездне междумирья скучно, а потрепаться хочется. Я, признаться, хотел расплатиться деньгами, но у ме-

ня не хватило, у этих гальюнных прихвостней бешеные цены. Пришлось оставить в залог символ свободы!

– Так, – строго сказал голем. – Люсьен, прекрати глупить и уймись!

– Я убью его! – проревел я, колотя себя по плечу.

Дядя ядовито усмехнулся, глядя на мои тщетные попытки.

– Пожалуйста, – продолжал Евлампий. – Давайте успокоимся и всё обсудим!

– Что? – заорал я. – Он поменял единственный шанс освободиться на салат!

– Он уникальный, – парировал Оливье. – Твоя свобода не стоит даже его соуса!

Я снова взвыл.

– Спокойно, – скомандовал голем. – Мы всё исправим.

– Не уверен, – зацокал хранитель вкуса.

– Почему? – не понял голем.

– Заморыш отравит наследника, и его перед приливом прикуют к колонне дворца! – весело заметил Оливье. – Вряд ли мы это исправим.

Евлампий вздохнул, а с меня слетела злость и навалилось уныние. Он прав! Надежды рухнули. Шансов не осталось.

– Пожалуйста, мы должны попробовать, – взмолился Евлампий, – расскажите про символ свободы, и мы найдем выход.

Я ошеломлено посмотрел на голема. Что с ним?

Евлампий приставил палец к несуществующим губам и подмигнул. Я, совершенно ошарашенный, повернулся к хранителю. Тот морщился, потирая серую шею.

Пока он решал, как поступить, голем подобрался к уху и зашептал:

– Я понял, мы сдадим его, когда получим символ свободы!

Я вынужденно кивнул, косясь на Оливье. Он нас не услышал.

– Ну, ладно, – благосклонно согласился хранитель. – Пять лет назад страсть к старинным рецептам завела меня в Стародол. Жуткий мир, почти уничтоженный во время войны с поглотителями.

– Каждый школьник знает, – встрял Евлампий. – Из Стародола выкачали всю магическую энергию, и мир разрушается. В нём никто не живет. Только императорские исследователи и пограничная застава защитников, следящая за Отдельным миром.

Оливье надул щеки.

– Будешь перебивать, выплывень форшмачный, вообще ничего не скажу, – плаксиво произнес он.

– Простите, – через силу выдавил голем.

– На первый раз прощаю, – любезно произнес хранитель вкуса. – В Стародоле настоящей воды почти нет. Сушь, пустошь и мёртвое море. Плыть по застывшему киселю противно даже на моей шхуне, – хранитель вздохнул. – А когда сели на мель, пришлось повозиться, – он неожиданно засме-

ялся. – Гремлин отрастил посудине ноги, штук сорок, и моя шхуна побежала.

Вспомнив ужимки голема, я решил подыграть и криво улыбнулся.

– Не скалься, заморыш. Твое притворство не поможет. Мы больше не друзья! – отсмеявшись, посуровел Оливье.

Я хотел сказать, где видал таких друзей, но голем предупредительно потянул за цепь, и пришлось промолчать.

Глядя на моё перекошенное лицо, хранитель вкуса удовлетворенно кивнул и продолжил:

– Порылся в руинах, но ничего не нашел. Ни книг, ни табличек. Даже посуды не осталось. Один прах, чтоб мне селёдки обожраться во время качки.

– И... – нетерпеливо протянул Евлампий.

– Уехал, – насмешливо сказал Оливье.

– Понятно, – сквозь зубы пробормотал голем. – Вы ничего не нашли?

Хранитель вкуса задумался.

– Нашел, – деланно удивившись, воскликнул он. – Сто футов под килем.

Он издевался над нами и наслаждался маленькой, кратковременной властью.

– Копаясь в одном старом храме, заметил древний кухонный нож, – вспомнил Оливье. – Лежал себе на верхней полке у потолка. Люблю такие штучки, иногда так засервируешь стол, самому приятно. Пришлось соорудить целую башню из

стола и стульев, чтобы дотянуться. А когда достал, он рассыпался, – хранитель вздохнул. – Я расстроился и с досады махнул рукой. Не удержался и...

– И что? – страдальчески спросил Евлампий.

– Упал, – пожаловался Оливье.

– Не перебивай его! – зашипел я.

И голем кротко потупился.

– Во-во, – бросил хранитель и продолжил. – Я шлепнулся на дряхлые доски и провалился в подвал. Там пахло затхлой листвой и сыростью. Пока выползал, в кромешной тьме наткнулся на ларец, – он сделал эффектную паузу. – Со знаком.

Он ожидающе посмотрел на нас.

– С каким знаком? – послушно спросил я.

– Солнце встающее над волнами! – торжественно провозгласил Оливье.

– Символ свободы, – подтвердил Евлампий.

– Откуда вы всё знаете? – не выдержал я.

– Каждый школьник знает, – заметил голем. – Этот знак стал символом свободы во время вторжения поглотителей.

Не знаю, где они учились. Видать оборотней в школы всезнаек не берут.

– Сомневаюсь, – проговорил я вслух.

– Сейчас не время для дискуссий, – уверенно произнес Евлампий.

– Согласен с булыжником, тебе лучше заткнуться, заморыш! – ухмыляясь, шикнул Оливье.

Я со стоном закрыл лицо руками, чтобы не заорать. Если они объединятся, я рехнусь.

– Я не это имел в виду, – измученно пробормотал голем, и добавил, обращаясь к хранителю. – Пожалуйста, расскажите про ларец?

– Пусть он попросит, – насмешливо велел Оливье.

Я стиснул зубы.

– Давай, Люсьен. Что ты как маленький? – заюлил Евлампий.

– Расскажите, пожалуйста, – процедил я, не опуская рук от лица.

– Сойдет, – смилостивился хранитель вкуса. – Ларец грубо вырезанный, не обработанный, но с такой кучей заклятий, что я не рискнул отпирать.

– Вы его не открыли? – вскрикнул я.

– Нет. Забрал и вернулся на корабль.

– А потом?

– Тоже.

– Что? – закричал я.

– Не открывал, – ответил Оливье.

– Так вы не видели артефакт? – уточнил Евлампий.

– Нет, на кой лихтер он мне сдался, – отмахнулся хранитель вкуса.

– Не может быть, – пробормотал я, и сполз по двери на пол.

Сил не осталось. Я снова закрыл лицо руками. Он сума-

спешший! Зачем мы вообще с ним разговариваем?

– С чего вы взяли, что он там был? – срывающимся голосом спросил голем.

– Чернокнижник подтвердил, – обиделся хранитель.

– Черный Эрлик? – удивился я.

– Хватит переспрашивать. Ты меня бесишь, крабий корм! – отрезал Оливье.

– Надо вернуть его, – строго сказал Евлампий.

– Забрать у Эрлика символ свободы? Ты шутишь? – хранитель вкуса сделал удивленные глаза. – Нет, серьезно. Ты серьезно?

– Он не умеет шутить, – заметил я.

Оливье перестал дурачиться и, хлопнув меня по плечу, уточнил:

– Ты тоже хочешь забрать символ свободы у Эрлика?

Я кивнул.

– Вы отдали его в залог, значит, артефакт можно вернуть, расплатившись с чернокнижником, – подтвердил голем.

Я снова опустил голову, в знак согласия. Понимаю, это безумие, надеяться отобрать артефакт у самого знаменитого чёрного мага – безумное безумие, но что остаётся. Я кивнул еще раз.

– Да-а-а-а, – протянул Оливье. – Я конечно связался с Эрликом в тот вечер, когда камень объединял нас, и договорился, чтобы он вернул символ свободы... – и заорал, – но вы меня убили! Соглашение аннулировано, – и сдавленно доба-

вил, – чтобы чернокнижник снюхался с оборотнем? Ничего скудоумнее не слышал.

– Есть другой вариант? – уточнил Евлампий.

– Какой, к поглотителям, другой? Это не вариант, а бред пьяных орков. Прикинь, что он с вами сделает?

– С нами, – поправил голем.

– Точно. С нами, – согласился хранитель и, повысив голос, категорично выпалил. – Я против такого абордажа!

– Вы хотите болтаться на моей шее до конца своих дней? – поинтересовался я.

– Твоих, – исправил Оливье.

Я вздохнул. Собрался с силами и разборчиво повторил.

– Вы хотите болтаться на моей шее до конца моих дней?

– Нет, – отрезал он. – Но, если ты погрёшься к Эрлику, конец наступит очень быстро.

– Чем всю жизнь таскаться с вами на шее, пусть уж наступает поскорее, – проворчал я.

– Не ной, юнга, штиль не вечен, – разозлился хранитель.

– Вы ещё долго? – спросила из-за двери Ирина. – Нельзя опаздывать ко двору! Тем более заключенным.

– Почти собрались, – прокричал Евлампий. – Фасон выбирали.

– Нас этим фасоном... – брякнула помощница, но не договорила и прикрикнула: – Поторопитесь!

Я встал, озираясь.

– Нам надо одеться.

– Не нам, а тебе, – вставил голем.

Кроме как меня поправлять, им что, заняться больше нечем?

– Боюсь, мне по размеру ничего не подойдет, – протянул я.

– Открывай, – разрешил Оливье. – Ты посредственный, ленивый, медлительный тугодумный орк... но везучий, как тысяча кормчих! – он хлопнул меня по шее.

Тот ещё комплимент, но затевать новый спор я не стал. Мимоходом глянув на тёмные непроглядные тучи на витраже над столом, распахнул дверцу и заглянул в шкаф. На вешалках, в рядок висели одинаковые зеленые камзолы.

– Чего вылупился? Не пачкай своими масляными глазками мои вещи. Внизу смотри, под ними, – скомандовал хранитель. – Как-то в Таньшане я слегка перебрал и сел за стол. В карты мне не прёт, но одному толстяку фарту вообще не было. Он проигрался в пух и прах. Из-за стола голый вылезал. Мне достались его шмотки. На следующее утро, протрезвев, хотел выкинуть, но пожалел.

Согнувшись, на дне шкафа я увидел тёмный сверток. Вытащил и начал развязывать.

– Это безразмерная мантия! Толстяк-то был жрецом Таньшанского культа. Посты у них убийственные, то толстеют, то худеют, поэтому одежда крепко заколдована. На ней два десятка чар, а может, и больше. Так что в самый раз для тебя, голомянка прожорливая.

– Может, оборотню не стоит приходить на королевский

приём в жреческом наряде? – засомневался голем.

Я распаковал свёрток. Тёмно-синяя мантия, отороченная белой каймой по подолу, рукавам и воротнику-стойке, выглядела вызывающе. По груди и спине шёл замысловатый узор из переплетенных ломаных линий насыщенного голубого цвета. В комплект входили штаны и легкие сандалии.

– В жреческом одеянии, я будто насмехаюсь над Танышанским культом, – сконфуженно пробормотал я.

– Что вы понимали в светской жизни? – рассердился Оливье. – У них, чем чудней, тем лучше. Я создал заморышу такую репутацию, что после сегодняшнего приема так будет ходить весь двор.

– Не уверен, – робко протянул я.

– Надевай, крысеныш! Не беси меня, – вконец рассвирепел хранитель вкуса.

Я вздохнул. Вряд ли я подберу что-то другое. Придётся примерить одежду жреца. Я стянул рубаху, закинул на шкаф и сунул ногу в штаны. Ткань собиралась складками, а я, несмотря на худобу, не помещался в новом костюме.

– Кроме символа свободы нам что-нибудь поможет? – тихо спросил голем, пока я ковырялся со штанами.

– Не слышал, – отрезал Оливье.

– Я тоже, – согласился Евлампий.

Хранитель вкуса глубоко вдохнул и шумно выдохнул.

– Как ни крути, без чернокнижника не обойтись. Только как договориться с Эрликом? – раздосадовано произнес он.

– Стоит рискнуть, – начал Евлампий.

– Я уже рискнул, – оборвал Оливье, обведя себя рукой с головы до ног. – Вот тебе идеальный план! С чернокнижником, можно вообще не трепыхаться. Он все равно нас прикончит. Единственное, о чём стоит подумать заранее, как умереть побыстрее. Чтобы потом не мучиться, как левиафан на крюке!

– Не всё задуманное сбывается, – добавил я, застегивая штаны. – Так отец говорит.

– Идеальный план, такой больше не придумаю даже я, – ностальгически протянул Оливье, не обращая на меня внимание. – Я всё просчитал. Всё учел. Всёшеньки подготовил, и всё равно сел на мель.

– Не всё, – пробормотал я, воюя со штанами.

– Я готовил перевоплощение много лет, – ничего не слыша, задумчиво продолжал хранитель. – Залезть в чужое тело не так просто. Все почему-то держатся за свои туловища, и не сильно хотят их покидать, – он раздраженно потёр уродливую морду. – Не в междумирье же их тащить? Это тебе не в Черногорск сплавать, – он махнул рукой. – Я отвалил кругу чернокнижников несусветную уйму денег за камень душ, но даже с ним нельзя заполучить любого встречного, – Оливье зло стукнул кулаком по ладони. – Камень забирает душу, но переселить её в другое тело не может. Только по взаимному согласию, чтоб мне всю жизнь шкотами питаться.

– Я не хотел выселяться из собственного тела! – возму-

тился я.

– Ещё как! – хихикнул Оливье. – Ты мечтал стать моим учеником, а это первый шаг к рабству. В старину верили, что истинный учитель способен по-настоящему преобразить любого. Передать знания в первозданном виде. Душа ведь состоит из знаний!

– Ученик получает частицу учителя и становится похож на него. Добровольно соглашается принять его дух, – догадался голем.

– Настоящий учитель и его ученик неделимы, тысяча плотителей, – заулыбался хранитель вкуса. – Навсегда!

– Нет, – возразил я.

– Да, – убежденно зашипел Оливье. – Ритуал прошёл успешно. Не возьму в толк, почему я сижу на цепи!

– Вы сделали что-то не так? – невинно предположил Евлампий.

– Заткнись, валун, я провёл обряд идеально. Это с заморышем что-то не так!

– Со мной всё в порядке, – огрызнулся я.

Я наконец-то влез в штаны. Они плотно облегли тощие ноги, словно колготы. Сколько не растягивал, ничего не добился, и раздосадовано вздохнул.

– Мантию одевай! – скомандовал голем.

– Да, – согласился Оливье. – Без мантии ты похож на сладкого танцора с Ночных островов.

Я покраснел и резво взялся за верх безразмерного наряда.

– Больше всего выводит, что непонятно почему, – пожаловался хранитель голему. – Всё было продумано до мелочей. Готовое завещание лежало в хранилище Всемирного банка. Оставалось только вписать имя наследника.

– А как вы собирались умереть? – спросил голем.

– Феерически, – протянул Оливье и, выждав эффектную паузу, добавил. – Меня должно было убить огненным обручем.

Я натянул мантию, и теперь пытался высунуть голову через узкий воротник. Евлампий тоже молчал.

– Болельщики всегда пускают их во время гонок. Они знатно заколдованы и не вредят никому на стадионе, но в моей сумке лежал уловитель магии. Он бы притянул обруч и взорвался, а я бы загорелся, – продолжил хранитель. – Несчастный случай, на крысеныша никто бы не подумал. Вся ответственность на администрации арены.

Оливье ткнул пальцем в появившуюся над воротником шею.

– Вы сгорели точно по плану, – мстительно протянул я, высунув голову из мантии, и поправляя чёрную цепочку.

Хранитель вкуса пробормотал что-то неразборчивое.

– Сгорел, – тоскливо протянул он, – и попал на цепь, тыща горбатых моллюсков!

Оливье захлопал глазами, изумленно разглядывая ошейник. Ударил себя по лбу, закрутился, заскакал и запрыгал, выкрикивая радостные вопли вперемешку с проклятиями.

– Всё из-за цепи! – визжал он.

– Чего это он? – не понял Евлампий.

– Прищемился цепью, – неуверенно предположил я.

Голем покачал головой.

– Он эфемерный.

– Надо снять ошейник, – возбужденно забормотал Оливье, а справившись с собой, добавил. – Как ни противно, валун – прав. Выхода нет. Мы на одной цепи. Я готов помочь нам вернуть символ свободы.

– И с королевским приёмом? – поднажал голем.

– Да, и с обедом тоже, – согласился хранитель. – Репутация крысеныша мне дорога, – он усмехнулся. – Но у меня есть условия.

– Куда без них, – пробормотал я.

– Во-первых. Когда я что-то говорю, ты должен отвечать, заморыш.

– Ага, и меня отправят в лечебницу для сумасшедших, – я пожал плечами, – это не повредит моей репутации?

– Не мели чушь! Отвечать можно по-разному, – твердо сказал хранитель. – Если тебе понятно, поднимаешь правую руку. Если надо пояснить, то левую. Ага?

Я кивнул.

– Нет, заморыш, подними руку, – заорал Оливье.

– Больше ничего поднять не надо? – рассвирепел я.

– Как хочешь, – обиженно пропищал хранитель.

– Люсьен! – вмешался Евлампий.

– Да! – закричал я.

– Прекрати! Без него тебе королевский обед не приготовить.

Сцепив зубы, я прорычал неблагозвучное ругательство. Досчитал до десяти и молча поднял правую руку.

– Отдрессирую, – усмехнулся Оливье, – Еще сделаю из этого недоделанного тролля – морского волка.

– Я оборотень, – обиделся я.

– Ты олень в тесте, понятно? – категорично заявил хранитель.

Стиснув челюсть, я поднял правую руку, Оливье довольно рассмеялся.

– Хоть чему-то ты быстро учишься, черепаха замороженная, – радостно заметил он.

– Второе условие? – прервал его веселье Евлампий.

– Без самостоятельности! Всё делать так, как я скажу!

Я открыл было рот, но вовремя вспомнил про договорённость и молча поднял правую руку.

– Отлично, – сказал хранитель. – Подойди к зеркалу.

Я подчинился. Приблизился к оправе из чёрного дерева на колесиках, и с отвращением посмотрел на своё отражение. Оливье заливисто заржал.

Посмеяться было над чем. Костюм плотно облегал тощее тело. Штаны больше походили на чулки, а верх даже самые дикие модники не назвали бы мантией. Она едва не лопалась на груди, но не прикрывала ввалившегося бледного живота.

– На приёме будет фурор, – с трудом выговорил Оливье, потешаясь над костюмом.

– Мастер Оливье! – не выдержал голем.

– Ладно. Мы же на одной цепи, – сдался хранитель. – Положи левую руку на правое плечо, а правую на левое. Три и тащи рукава вниз.

Я потёр, и мантия преобразилась. Штанины вытянулись и расширились. Рукава удлинлись. Верхняя часть костюма стала просторной. Разгладилась, заблестев дорогой тканью.

– Отлично! – обрадовался голем. – Ни в жизнь не скажешь, что жреческая мантия.

– Да, – согласился Оливье. – Подходящий макинтош.

Я не противоречил. Впервые похожу на волшебника.

– Хорош любоваться, – разрушил фантазии Оливье. – Беги на камбуз. Бери только то, что я скажу. Мы им такое приготовим, что они заикаться начнут.

Оторвавшись от зеркала, я поднял правую руку и двинул к выходу. Тучи на витраже разошлись, оголив тёмную безобразную фигуру, яростно разрывающую чёрную цепь.

Ирина ждала у двери, в нетерпении переступая с ноги на ногу. Увидев меня, она заговорила о нехватке времени, но осеклась.

– Блестяще! – воскликнула она. – Придворные остолбевают.

– Благодарю, – кивнул я, и, понукаемый големом, поклонился и добавил. – За столь лестный комплимент.

Ирина снова покраснелась.

– Идёмте. Мы долго возились, следует поторопиться, – вмешался голем.

На кухне я первым делом взял книгу рецептов.

– Из-за болтовни этого вероломного валуна, нам действительно придётся брать синий перец. У меня припрятано немного на верхней полке, между мускатом и имбирем, – скупно заметил Оливье и, задумчиво пожевав губу, добавил. – Прихвати молоко птицы Рух. Маленький пузырек бери. Куда большой тащишь, ты чего в нём купаться собрался?

– А зачем оно? – прошептал я.

– Темнота, – протянул Оливье. – Из молока птицы Рух готовят самое лучшее суфле. Какой прием без суфле?

– Вместо праздничного торта, – догадался я, – Мы ведь с королями не церемонимся!

– Что вы говорите? – уточнила Ирина.

– Простите, госпожа, но его лучше не отвлекать, – вмешался Евлампий. – Он продумывает меню.

– Ой, – всполошилась помощница. – Я хотела задать пару вопросов об убийстве...

– Позже...

– Не отвлекайтесь, – шикнул Оливье. – Нужен розмарин, ветвистый чертополох и корень багульника.

Я сгреб пузырьки с надписями.

– Теперь возьми эссенцию слизи громогласа.

Я чуть не крикнул «кого», но, вовремя вспомнив про до-

говор, поднял левую руку.

– Громоглас – бешеный летающий паук с Ночных островов. Из него бутерброд не приготовишь. Одни кишки, хитин, да лапы, но из прядильной камеры мешают загуститель. А! Всё равно, что людоеду про пользу овощей рассказывать. Запомни, слизь электризуется и очищает самое паршивое пойло.

Я страдальчески поднял левую руку.

– Вы в порядке? – поинтересовалась Ирина. – У вас рука дёргается.

– Щеночек нервный! – захохотал Оливье. – Забудь про громогласа, умник хвостатый! Тебе рано думать о таких вещах. Сгребай всё, и пошли, а то девчушка волнуется.

– У него спазм, – добавил масла в огонь Евлампий. – У вас неудобные матрасы.

– Это же тюрьма, – пожала плечами помощница.

– Вынужден с вами согласиться, – сказал голем. – До императорской гостиницы ей далеко.

Оливье снова заржал, а Ирина сморщилась. Евлампий говорил настолько серьезно, что принять его изречение за шутку мог только полубезумный хранитель, лишенный тела.

– Ты был прав, заморыш, – продолжая усмехаться, проблеял он. – У валуна нет чувства юмора, но тупит он уморительно.

Я не ответил. Пихнул склянки в сумку и попятился к выходу.

– Разумному существу не нужен юмор, достаточно логики, – напыщенно произнес голем.

Оливье засмеялся ещё громче. Мне хотелось заткнуть уши или даже оглохнуть, лишь бы не слышать ни одного, ни другого. Чтобы отвлечься, я повернулся к Ирине.

– Всё готово, – сообщил я.

– Хорошо, – обрадовалась помощница. – Отправляемся!

Я с облегчением вышел с камбуза. Оливье уже успокоился, а голем обиженно молчал, и наступила долгожданная тишина.

Я подошел к трапу и ко мне подкатил железный страж.

– Ирина! – просительно протянул я. – Ему обязательно сидеть у меня на груди? Вдруг костюм прожжет?

– Готовить будет неудобно, – поддержал голем.

– Железяку заляпаешь, так не постирать, не погладить! – добавил Оливье, и снова залился смехом.

– Но правила... – начала Ирина.

– Он может ползать рядом. Что я убегу от него, что ли?

Помощница в нерешительности посмотрела на пёсика. Железный страж тоже прислушивался, приплясывая у моих ног.

– Не подведите меня, Мастер Носовский, – попросила она.

– Клянусь, – торжественно пообещал я.

– Вы поможете распутать убийство вашего учителя?

– Постараюсь, – склонил я голову и поджал губу.

Ирина ничего не заметила и кивнула. Скрестила пальцы и сделала странный знак в сторону железного стража. Пёсик пыхнул багровым огнём и встал в сторожевую стойку.

– К ноге! – заорал Оливье, так что я вздрогнул, и снова заржал. – Да не тебе, моська, твоему поводырю!

Настроение хранителя зашкаливало, но это пугало сильнее, чем прежняя тоска. Последний раз он так веселился, когда собирался меня убить.

– Положитесь на меня, – по-своему поняла моё движение помощница. – Страж бережно последует за вами.

– Вы волшебница? – деланно удивился я, стараясь отвлечься от неприятных мыслей.

Помощница снова залилась румянцем.

– Это не сложно, – пояснила она. – Раскручивать преступления куда труднее.

– Улики под ногами не валяются, – вставил голем.

Я заумно кивнул.

– Способная, – весело добавил Оливье. – Ещё посадит тебя за моё убийство, вот будет хохма.

– Пойдёмте, – опомнилась Ирина. – Времени всё меньше.

Мы сошли на пристань. Я везде галантно пропускал помощницу вперёд, а когда мы поднялись обратно на пандус, успел постучать по борту раньше неё. Даже помог ей взобраться в повозку без напоминания голема.

– Дрейфло и подкаблучник, а ещё оборотень, – гыгыкал Оливье, но я не обращал на его подколки внимания, уж очень

хотелось ей понравиться.

Железный паук запрыгнул вслед за мной, и мы тронулись. Объехав шар арены, повозка покатила в ещё неизведанную часть города. Я таращился в окошко, ожидая увидеть величественное здание дворца.

– Сколько ещё ехать?

Бесконечные платформы тянулись во все стороны. Между лестниц и переходов, соединяющих площадки, зеленели висячие поля риса-сырца. Вода ещё не поднялась, поэтому провалы промеж террас зияли зловещими безднами.

– Почти приехали, – отозвалась Ирина.

– А где же дворец? – не унимался я.

– Ожидаете что-то огромное и внушающее трепет?

– Ваши короли слишком скромны, чтобы жить в роскошных дворцах, госпожа? – удивился голем.

Помощница смешалась, подбирая слова.

– Поглотители разрушили королевский дворец во время нападения. Когда они прорвались за стены, скрепляющие чары исчезли, и всё, до последней башенки, осыпалось на дно долины. На строительство нового ушло больше двенадцати лет. Только... Злые языки утверждают, что он не в нашем мире, а далеко-далеко в диких землях, которых не коснулись поглотители.

– Это правда? – подыграл Евлампий.

– Не знаю, в каком именно мире возвели дворец, – нехотя ответила Ирина, – но могу точно сказать, что в Благограде

только вход.

Мы остановились на платформе, украшенной редкими статуями. Остальные террасы расступились в стороны, будто склонившись перед проходом в королевскую резиденцию.

Я первым выскочил из повозки и помог Ирине. Пёсик прыгнул следом и устроился у ног.

Перед нами возвышались золотые ворота, перевитые изумрудными листьями и рубиновыми цветами. Искусно вырезанные ветви соединяли два гранитных столба с вазами на вершинах, создавая причудливую вязь с гербом Благограда, сверкающим драгоценными камнями ростком риса-сырца. За распахнутыми воротами, из узорной золотой решётки, протянулся переливающийся всеми цветами радуги мост. С двух сторон его охраняли изваяния суровых волшебников грозно воздевших руки. За ними в центре пустой платформы вздымалась сияющая триумфальная арка. Массивные столбы давили на переломанные груды рогов поглотителей и подпирали королевский трон, украшенный знаком источника магии.

– Через чур скромны, – покачал головой Оливье. – Скромнее только иглобрюхи! – он усмехнулся и глянув на нас прицокнул языком. – Эту рыбёху прямо распирает от самомнения. А на вкус, между прочим, так себе.

Я пожал плечами. Это и есть королевская резиденция? Двадцать шагов в поперечнике. Если бы не крикливо выряженные, важные стражники в разноцветных блестящих кам-

золах, стоящие у арки, я бы решил, что мы заплутали и приехали к черному входу.

– Идёмте, – скомандовала Ирина.

– Магия возмущается, – прошептал голем.

Я и правда видел, как по воротам и над ними скачут искры. Сглотнув, я сжался и двинулся за помощницей. Казалось за спинами каменных волшебников провал в никуда. Не получалось разглядеть ни других платформ, ни воду внизу, ни даже голубого неба. Мост дрожал и сотрясался под ногами.

– Архитекторы учли все ошибки и позаботились о безопасности. Если на дворец нападут, тут всё рухнет, – предупредила Ирина. – В неведомую бездну!

– Разумно, – согласился голем.

А я даже кивнуть боялся. Зачем строить то, что может неожиданно развалиться? Ходить каждый день и трястись. Маги законченные извращенцы.

– Безопасность монарха – основа государства, – разглагольствовал Евлампий.

Я прощупывал каждый шаг, тыкал сандалем в блестящую плитку, и только потом переносил весь вес. Хотелось верить, что я успею отпрыгнуть, но не сомнения оставались. Спина вспотела, а ноги из-за напряжения тряслись, как у новорожденного пегаса. Ещё пёсик постоянно мешался, неожиданно прижимаясь ко мне железным боком. Я отпихнул его за спину, но железный страж распахнул решетку и попытался об-

жечь мне лодыжку. Я едва увернулся от пламени и, сглотнув, вытер мокрый лоб.

– Умница, – похвалил Оливье. –оборотней надо в строгости держать.

– Троллинная отрыжка, – шикнул я и перескочил остававшиеся до платформы шаги.

Стражники с интересом наблюдали за моими прыжками. На их скучной вахте и мои чудачества – развлечение.

– Мы прибыли по приглашению его высочества принца Джона, – сообщила помощница.

– Амулеты, зелья, обереги? – привычно забубнил стражник, стоявший слева. – Недозволенные животные, – особо уточнил он, разглядывая пёсика.

– Штатная охрана Благоградской тюрьмы. Сопровождает заключенного, – пояснила Ирина.

– Заключенным проход запрещен, – невозмутимо ответил стражник, с интересом глядя на меня.

– Вы не поняли, – растерялась помощница. – Мастера Носовского пригласил его высочество принц Джон.

Стражник с жалостью посмотрел на Ирину.

– Мастер Носовский может войти, а заключенный – нет!

Оливье хохотнул.

– Мастер Носовский и есть заключенный, – разозлилась помощница.

Стражник взглянул на меня и задумчиво помял губу.

– Обязан сообщить в канцелярию замковой стражи, – ска-

зал он, и потёр рыжий значок на петлице камзола.

Скривился, словно от зубной боли, и застыл. Его подвижные зрачки замерли, а глаза подернулись поволокой. Он моргнул и уставился на меня. Выражение лица осталось прежним, но взгляд изменился.

Я передёрнул плечами. Жуть! Словно кто-то выглядывал из глаз стражника.

– Мастер Носовский? – уточнил голос.

Вопрос прозвучал из светящегося прохода под аркой.

– Да, – ответил я, не зная куда смотреть, на стражника или на свет.

– Оттяните двумя пальцами ошейник.

Я поёжился, но спорить не стал. Приподнял чёрную цепь, несмотря на возражения повисшего на ней голема.

– Потяните! – приказал голос.

Я подчинился.

– Подёргайте! – не отступал невидимый чародей из замковой стражи.

– Покрутить не надо? – снова развеселился Оливье.

Я держался из последних сил. Евлампий отчаянно возмущался, хватаясь беспальными каменными руками за ошейник.

– Мастера Носовского пригласил... – попыталась Ирина, но голос ее прервал.

– Надежно, – раздалось из прохода. – Можете войти! Штатная охрана Благоградской тюрьмы подождет снаружи.

– Но директор тюрьмы... – возразила помощница.

– Согласовано, – оборвал ее голос. – Проходите!

Стражники безразлично отвернулись.

Ирина поджала губы, но не нашлась что ответить и задрала подбородок, решительно шагнула в сияние. Внутренне съёжившись, я бросился за ней.

Арка оказалась обычным порталом, перенесшим нас к ступеням дворца. Я с интересом обернулся, но не увидел ничего кроме каменной стены. Получается, я вышел из нее. Стены окружали нас со всех сторон, и тянулись вверх до мутного серого неба.

– И здесь понарисовали! – проворчал Оливье.

Фасад дворца прорезали яркие витражи. Огромные рога-тые твари отступали под градом вспышек фиолетовых молний, а brave волшебники с развивающимися белыми бородами грозно улыбались в лицо опасности, героически тесня врага с гротескных городских террас.

– Маговрала победители поглотителей! – усмехнулся Оливье. – Хвастуны-бояки!

– О чём вы? – завелся голем.

Ирина недоуменно взглянула на него, но промолчала.

– О том, что небритые чароплеты улепетывали от поглотителей, не оборачиваясь! На мантии наступали, да падали!

– Заблуждение, – сквозь зубы зашипел Евлампий. – Среди магов было много храбрецов!

– А витражи? – догадалась Ирина. – Их ровно сто. Отливали и раскрашивали на каждую годовщину победы. Память

о мужестве предков.

Я промолчал, решив, что спорить глупо. В отличие от меня, Оливье так просто не затыкался.

– Видал я их немереное мужество! – взвизгнул он. – Бросили свои городишки и драпанули в Тролляндию!

Над головой голема промелькнула крошечная молния. Он свирепо взглянул на хранителя вкуса, но возражать не стал. Отвернулся и демонстративно сжал голову, в тех местах, где должны располагаться уши.

Мы поднялись по ступеням длинной лестницы. У парадного входа дожидался гладко выбритый дворецкий в синей ливрее.

– Мастер Носовский! – пафосно промычал он. – Следуйте за мной.

Пропустив Ирину вперёд, я вошёл во дворец.

– Через чур скромны, – пробормотал я до того, как отвисла челюсть.

Приёмный зал ярко сиял. Казалось он вырезан из цельного куска начищенного до блеска золота и покрыт небрежно высыпанными поверх драгоценными камнями. Я даже заморгал. Вокруг огромных зеркал, извивались изящные золотые стебли с яркими цветами из сапфиров и бриллиантов. От огромной хрустальной люстры, перекрывающей широкую мраморную лестницу на второй этаж, расходились разноцветные лучи. Они отражались от зеркал и драгоценностей и поджигали зал игривыми отблесками.

Чтобы не ослепнуть, мы быстро проскочили в неприметную дверь прикрытую гобеленом.

– Главнейший повар его величества примет вас на королевской кухне, если вы не возражаете? – остановившись перед дверью, заносчиво выдал дворецкий.

– Не возражаю, – ответил я, а что еще скажешь.

Я против! Требую принять меня в пиршественном зале?

Дворецкий высокомерно кивнул и провёл нас на кухню. Над котлами стелился пар. Длинные столы прогибались от деликатесов. Еда пыхла, ревела, булькала, шипела и распространяла такие ароматы, что у меня свело живот. От таких запахов недолго упасть в обморок и умереть, подавившись слюной. Я едва держался, чтобы не растолкать поваров и не броситься набивать желудок, пихая в рот всё подряд. Пришлось отвлекать себя, рассматриванием потолка со светящимися шарами вместо люстр.

Ко мне, пробираясь между столов, спешил кряжистый мужчина. Среднего роста, в белом халате и колпаке. Его лицо и открытая улыбка, казались неуловимо знакомыми.

– Счастлив видеть вас! – затараторил он, трясая мою руку. – Безмерно признателен, что вы оказали честь!

– Что вы, не стоит, – пробормотал я, обескураженный его напором.

– Если вы не против, давайте приступим. Церемонии и рассказы о былом оставим на потом.

– Согласен, – подтвердил я, пытаясь освободиться от ру-

копожатия.

– Прекрасно, – обрадовался главнейший повар. – Идёмте.

Ухватив за плечо, он потащил меня вглубь кухни и, обернувшись, бросил на ходу:

– Милая, сходи к кондитерам! Сегодня готовили заварные пирожные, твои любимые!

– Но папа! – возмутилась Ирина.

– Давай, давай, давай. Нам с мастером Носовским надо работать!

Помощница топнула ногой, и, сверкнув глазами, гордо удалилась.

– Поделитесь, пожалуйста, мастер Носовский! – продолжая тянуть меня, пропел главнейший повар. – Вы составили меню? Что-то экзотическое? Новое прочтение старых блюд? Кухни отдаленных миров?

– Повторяй за мной, – приказал Оливье. – Напыщенный болван, иди в...

Он не успел договорить, голем дернул за цепь. Дядю потянуло в сторону, вслед за ошейником.

– Так и быть, – примирительно вскрикнул он. – Заигрался. Помню. Мы на одной цепи! – он ухмыльнулся. – Приготовлю Таньшанский обед в честь твоего костюма. Понял?

Я поднял правую руку.

– Таньшанский обед в честь... – повторил я.

– Его высочества наследного принца Джона, – закончил вместо меня Евлампий.

– Прекрасно! – подхватил главнейший повар. – Мне достались два мастера вместо одного! Я счастлив! Я слышал о вашем голема, но, признаться, не верил до конца! – он подмигнул Евлампиию. – Очень рад, безмерно счастлив!

Подведя меня к большому столу, единственному пустому на всей кухне, он остановился. Сконфуженно смахнул крошки за край к выстроившимся полукругом бочкам и поднялся на мыски.

– Одно мгновение, я соберу кухарей, и вы посвятите нас в тайны величайшего искусства в тридцати мирах! – повернувшись, главнейший повар громко крикнул. – Все сюда! Мастер начинает!

Я словно собирался читать лекцию о вреде мяса чупакабрам. От любопытных плотоядных взглядов сотен глаз хотелось спрятаться, исчезнуть, провалиться сквозь пол. Лишь бы оказаться подальше от королевской кухни.

На крик главнейшего повара сбежались помощники. Обступили меня плотной белой толпой, жадно разглядывая моё лицо, удобу, диковинный костюм и голема.

– Просим, мастер! – пропел главнейший повар.

– Просим! Просим! – подхватили подчиненные.

– Что стоишь, заморыш? Повторяй за мной! – вывел из оцепенения Оливье. – Немного расступитесь, нужен простор!

Я поднял трясущуюся руку и, заикаясь, повторил.

– Громче и увереннее! – взревел хранитель.

– Расступитесь, мне нужен простор! – закричал я, зажмурившись.

– О, простите! – смутился главнейший повар и гаркнул на подчиненных. – Что вы столпились! Мастеру даже руки некуда деть!

Его подчиненные мгновенно отодвинулись.

– Традиционный Таньшанский обед состоит из семи смен блюд, – сообщил Оливье, а я повторил. – Таньшанцы используют плоть вампира. Они полагают ее изысканно нежной.

Среди кухарей прошел недоуменный шепот.

– Кровососа? Кто будет это есть? Где мы возьмем вампира? А обязательно вырезку?

– Мы не таньшанцы! – воспроизводил я дядину речь. – Разумных существ не едим. Используем традиционное мясо! Оленину. У таньшанцев то выбора нет. Либо Ночные острова, либо Блэк Бук. По их мнению, лучше лопать вампиров, чем связываться с чернокнижниками.

Оливье усмехнулся, и я попробовал передать его смешок. Получилось убедительно. По крайней мере, кухари заулыбались.

– Будь у таньшанцев выбор, они бы тоже готовили традиционный обед из оленины. Ведь он великолепен независимо от вида мяса. Поэтому мы не будем подавать всякую гадость, но соблюдем традиции. Оленину приготовим семью различными способами, и подадим на крыльях летучей мыши.

Оливье наигранно выругался, словно оговорка вырвалась

случайно, и исправился.

– Чтоб меня поглотитель забодал, – повторил я. – Конечно, на салатных листьях.

Кухари охотно посмеялись.

– Подытожим. Нужно сорок девять килограмм оленины. Оливковое масло. Таежные орехи, – продолжил я.

Всю речь главнейший повар, широко улыбаясь, негромко повторял:

– Прекрасно! Восхитительно! Очень рад! Безмерно счастлив! Покорен! Необычайно!

Оливье перечислял ингредиенты, я повторял указания, а кухари засуетились, бегая по кухне.

– Остановитесь! – заглушил шум властный голос.

Я невольно замолчал и обернулся. В открытом проёме дверей возвышался волшебник. Длинные белые волосы, седая борода и роскошный плащ с полумесяцами. На длинном кафтане сверкал золотой значок, круг, пересеченный двумя серебристыми косыми линиями. В подтверждение слов, он громыхнул об пол посохом и веско добавил:

– Вы находитесь под стражей и не будете расхаживать по королевской кухне без надзора.

– Вставь свою палку... – возмутился Оливье, но голем его снова прервал.

– Ничего не говори, – прошипел он на меня, – а то неприятностей не оберёмся. Я все улажу.

– Позвольте, архимаг Благолюб, – вмешался главнейший

повар. – Мастера Носовского пригласил. . .

– Мне известно, зачем здесь оборотень! – отрезал архимаг. – Я лично отвечаю за безопасность короля и не позволю заключенному его отравить.

– Откуда он прознал о твоём ядовитом таланте? – невинно заметил хранитель, давясь от смеха.

Я смутился, трудно возражать правде.

– Соври, что не насмерть отравишь, – порекомендовал Оливье. – Глядишь, отвяжется.

– На одной цепи! – тихо напомнил голем и, уже громче, добавил. – Преклоняюсь перед великим архимагом Благодатных земель, Благолюбом. Мы неправильно начали. Мастер Носовский не заключенный. Его вина не доказана. Более того, против него нет улик.

Архимаг двинулся на меня, открыв рот, но Евлампий не дал ему высказаться, продолжив наступление:

– Я вас прекрасно понимаю, господин! Вы несете ответственность за жизнь и здоровье наследного принца. Мы полностью разделяем вашу озабоченность и готовы пойти навстречу. Какие меры надзора за мастером Носовским вы предлагаете?

Благолюб смешался. Такого поворота событий он не ожидал, но собрался быстро. Одно слово – архимаг. Сдвинув брови, он сурово оглядел меня и веско произнес:

– В данном конкретном случае самая адекватная мера – зримая визуализация с куполом отражения.

Я вопросительно посмотрел на голема.

– Он наколдует на тебя пузырь с отражающим заклятьем, – прокомментировал Евлампий.

– Но я не маг! – возразил я.

Почему-то перспектива зримой визуализации пугала. Я вспомнил про голозадых рыцарей и представил, что я без одежды среди кучи смешливых кухарей взбиваю венчиком яичные белки.

– Не имеет значения, – гаркнул архимаг. – Вы не сможете замыслить ничего дурного, чтобы это не отразилось в пузыре. А значит, не причините вреда!

В подтверждение своих слов, он ударил посохом об пол.

У меня вздыбились волосы. Что-то коснулось макушки. Скосив глаза, я увидел надувающийся прозрачный шар.

– Прекрасно! Восхитительно! – затараторил главнейший повар. – У нас изумительная возможность увидеть подноготную работы великого мастера!

Я начал краснеть, а Оливье закатился со смеху.

– У нас нет другого выхода. Терпи, – посоветовал голем.

Я закрыл глаза, стараясь успокоиться.

– Не волнуйся. Выбрось из головы любые ненужные мысли, – вкрадчиво заговорил хранитель. – Тебе будет не трудно, твоя голова и так пуста. Очистил сознание?

Я вздохнул.

– Хорошо, – заметил Оливье. – Теперь представь архимага! Плащ с полумесяцами задран вверх, посох торчит...

– Не вздумай! – заревел голем. – Сосредоточься на хорошем. Расслабься, позволь положительным эмоциям течь сквозь тебя. Легко без усилий, как свежий весенний ручеек. Словно легкие, невесомые облака...

Я зажмурился сильнее. Сам понимал, что нельзя думать о словах хранителя, вот только прогнать непрошенные мысли не так просто, как кажется. Стараясь отвлечься, я невольно воскресил недавние воспоминания.

Легкий ветер трепал Ирину платье, играя в складках. Прижимал мягкую ткань к ее ногам, и с трепетом уносился прочь.

Такая притягательная. Элегантная, милая. Скромная.

Я невольно потянулся к ней. А она ко мне, но между нами появилась Оксана. Её прекрасное лицо скривилось от негодования.

Ирину отнесло в сторону, и девушки закружились вокруг меня в безумном хороводе. Я с трудом мог разглядеть расплывающиеся лица.

– Великолепное решение! – заверил архимага Евлампий. – Зримая визуализация решит невысказанные проблемы и установит атмосферу доверия и открытости. Позвольте выразить вам признательность от лица мастера Носовского. Только высококультурный и деликатный маг мог придумать такой элегантный выход из сложившейся ситуации.

Я не удержал помощницу. Она ускользнула от меня. Оксана довольно улыбнулась. В её глаза вернулась прежняя уве-

ренность и участливая забота. Я помотал головой:

– Нет! Ты бросила меня!

Я кинулся за Ириной. Коснулся руки, прижал к себе. Она прильнула к моему плечу. Я потянулся к ней губами, но это была уже не она. Оксана щелкнула пальцами и засмеялась. Место Ирины занял архимаг. Я в растерянности замер.

Кухня погрузилась в тишину.

Я открыл глаза. В набухшем над головой пузыре отражалась моя копия, целующая архимага.

Тишину разорвал дядин гомерический хохот, а в моей голове эхом отражался смех Оксаны.

Глава 3. Странные встречи

– Признаться, не стоило. Ваша благодарность чрезмерна! – скривившись, заявил Благолюб. – За вами присмотрит помощница директора тюрьмы. Они привыкли управляться с такими, как вы, – брезгливо добавил он и с достоинством покинул зал.

Кухари тыкали пальцами в пузырь, хватались за бока и ржали. Оливье не смеялся, а сдавленно повизгивал, катаясь по плечу.

– Пузырялогия – неточная наука, – попытался оправдать-ся Евлампий. – Зримая визуализация не показывает точных измышлений, а лишь воспроизводит их смысл...

– Прекрати, – застонал хранитель. – Я больше не выдержу. Я опустил глаза. Щёки горели. По-моему, покраснели даже кончики пальцев. Ненавижу магию! От нее одни неприятности. Я ведь хотел поцеловать Ирину, а не архимага.

– Визуализация действительно неточна. Давайте не будем судить мастера Носовского, – вмешался главнейший повар.

– Ведь архимаг и правда симпатичный, – пропищал Оливье, заливаясь хохотом.

Голем растерянно молчал, не понимая дядиного веселья и всей нелепости сложившейся ситуации.

– Вернёмся к искусству приготовления пищи, только оно

имеет истинное значение! – повысил голос главнейший повар. – Мастер Носовский, позвольте просить вас распределить обязанности.

– Хватит баловства. Перейдем к делу, – всхлипывая, проговорил Оливье и шикнул на меня. – Чего замер, повторяй!

Я воспроизвел его слова, стараясь не смотреть на кухарей, чтобы не заикаться. Хотя смешки стихли, игнорировать ухмылки я не мог. Моей тонкой натуре, чтобы пережить позор, требуется больше времени.

На кухню вернулась Ирина и удивленно разглядывала давящихся со смеху поваров.

Только её не хватало. Хорошо, хоть не видела моего позора. Я сосредоточился. Голем помалкивал, и я повторял команды хранителя, не задумываясь. Шар над головой показывал быстро сменяющиеся ингредиенты семи блюд, входящих в Традиционный Танышанский обед, и я успокоился. Было что-то завораживающее в изысканном танце десятков поваров. Они кружили, вскидывая ножи, ложки и венчики. Удары о разделочные доски и звон посуды складывались в загадочную мелодию, способную заворожить любого почитателя вкусной еды.

– Прекрасно! Восхитительно! Необычайно! – бубнил стоящий рядом главнейший повар с обожанием следя за мной, возвращение дочери он даже не заметил.

С его похвалой нельзя было не согласиться. Оливье выдавал точные понятные распоряжения, не тратя время на объ-

яснения и не вдаваясь в ненужные детали. Я и сам невольно залюбовался, даже перестал поднимать руку. Захотелось, чтобы у меня когда-нибудь появилась собственная кухня, пусть не такая большая и изысканная, но зато только моя. Ведь так приятно приготовить что-нибудь особенное, тем более для любимой волшебницы. Я бросил быстрый взгляд в сторону Ирины, и озабоченно покосился на пузырь. В нём плавали мясистые помидоры, разваливающиеся на дольки, а сочные огурцы превращались в ровные кубики. Я успокоился, снова оглянувшись на помощницу. Она больше не обращала внимания на нашу слаженную работу, а склонила голову и неожиданно зажмурилась. Скривилась, будто от болезненного спазма, и потерла виски. Кивнула и с тревогой посмотрела прямо на меня.

Я занервничал и сбился. Шар беспристрастно выдавал путаные мысли. Мне всегда трудно думать обо всем по отдельности. Так уж я устроен. Мои раздумья, как причудливый коллаж. Нарезанный кубиками огурец чудесным образом собрался и вырядился в Иренино платье. Оно колыхалось от порывов ветра, облекая пупырчатую огуречную шкурку.

– Люсьен, прекрати, – пробормотал Евлампий.

Я тряхнул головой. Овощ рассыпался на части и больше не баловался. К счастью, огуречные безобразия никто не заметил. Даже помощница. Она отвлеклась на кухаря, уронившего нож. Оливье тоже был занят, выдавая с моей помощью команды.

Ирина подошла к главнейшему повару.

– Извини, что вмешиваюсь, – обратилась она, склонив голову. – К господину Носовскому прибыл посетитель.

Я невольно вздрогнул, и мы с големом переглянулись. Даже Оливье отвлекся от обязанностей шефа кухни, с любопытством уставившись на помощницу.

– Милая, у нас нет времени, – отмахнулся главнейший повар.

Ирина поджала губы.

– Мастера Носовского желает видеть посол Семисвета, – отчеканила она. – Это не терпит отлагательств, – и с нажимом добавила, – папа!

Я отступил на шаг. За готовкой совсем позабыл о магистрате, расследованиях и послах.

Главнейший повар укоризненно посмотрел на дочь.

– Очень не вовремя, – с обидой заметил он.

– Я что ли его сюда притащила? Посол сам приехал! Хочешь, жалуйся! – вызывающе отозвалась помощница.

– И буду! Без сомнения, буду.

– Эта встреча не может подождать? – встрял голем. – Сейчас не лучший момент для официальных дел.

Ирина покачала головой:

– Он настаивает на немедленной аудиенции от имени магистрата.

У меня похолодела спина. Я взглянул на пузырь. В нём, затравленно озираясь, скакал длинноухий кролик, пытаюсь

забиться в укрытие.

Ко мне подбежал один из кухарей.

– Мастер Носовский, крольчатину сегодня не завозили. Есть только замороженная.

Я обалдело взглянул на него.

– Без свежего кролика будет трудно, но мы справимся, – развеселился Оливье. – Если конечно, оборотень, не скопытится со страху.

Я механически повторил первое предложение, чуть не брякнув второе, но вовремя остановился. Кухарь кивнул и умчался по своим делам, а я с надеждой взглянул на Ирину.

– Держись за её подол, – насмеялся хранитель. – Она тебя защитит.

Я не отозвался.

– Мы договорились! – нетерпеливо зашипел Оливье. – Не будешь отвечать. Сам разбирайся с Танышанской кухней, жаба надутая!

Я опустил глаза, и поднял руку.

Дядя довольно хмыкнул:

– Влипли, заговорщики?

Я обреченно кивнул пробираясь через кухню, а голем затянул старую песню:

– Мы на одной цепи и должны помогать друг другу.

– А я что делаю? – возмутился Оливье. – Только и вытаскиваю вас из неприятностей. А оборотень, между тем, кидается на архимага с поцелуями.

Его подколка прошла мимо. От предстоящей встречи с магистратом меня не отвлек бы даже фокусник жонглирующий отбивными и пускающий салют из овощей.

– Прекратите неуместные шуточки! – возмутился голем.

– Перед пытками лучше посмеяться, – не согласился хранитель. – Когда в дело вступит магия, будет уже не до веселья. Клянусь тремя дюжинами одноглазых скатов.

Я побледнел. К горлу подкатила тошнота. Кролик в шаре душил себя ушами и бился головой об подворачивающиеся предметы.

– Как переживает, – вздохнул тот самый кухарь. – Надо разморозить пару тушек, на всякий случай.

После оглушительной кухни в тихом, безлюдном коридоре стало ещё страшнее. Зловеще мигал тусклый свет, раскидывая по полу безобразные тени. Ирина остановилась у комнатухи с рукомойниками и писсуарами. Я, съёжившись, заглянул.

– Мы что, встречаемся с послом здесь?

Помощница пожалала плечами и отвернулась. Кто поймёт, что в голове у иноземных послов.

– Только целоваться к нему не лезь! – не унимался Оливье.

Я не ответил. У меня уже тряслось всё, что только могло трястись. Я подался вперёд. Перед умывальником плескался колдун средних лет с аккуратной черной бородкой и зачесанными назад волосами. Густые брови нависали над тем-

ными блестящими глазами, а длинный нос, словно что-то всё время вынюхивал.

– Камзол из трутанхеймской шерсти, – зачарованно про-
бормотал Оливье. – Синий. У меня был такой. Пол корабля
стоит. В таком не стыдно перед Императором предстать, это
тебе не одеянье из гнилых рыбьих хвостов.

А мой взгляд притягивал золотой значок, круг, пересечен-
ный двумя серебристыми косыми линиями. Чародей же с ин-
тересом рассматривал меня через зеркало, и его лицо растя-
гивалось в довольной улыбке.

– Вот и встретились, юноша.

У меня отвисла челюсть. Я прекрасно знал этот вежливый
голос, только не узнавал лицо. Я пригнулся, пытаюсь протис-
нуться в туалет вместе с пузырем, но ничего не получилось.
Шар зримой визуализации не опускался, стучаясь о стены
коридора. Не совладав со своевольной сферой, я оглянулся
на помощницу.

– Будет неудобно... – начал вместо меня Евлампий.

– Да, я понимаю, – закивала Ирина.

Достав трубочку, она прикоснулась к шару и оторвала его
от меня. Пузырь зашатался, царапая потолок коридора.

– Архимаг сказал, что я могу использовать артефакт в слу-
чае необходимости, – добавила помощница.

– Спасибо, – улыбнулся я и, смущенно пожав плечами,
закрыв дверь в туалет, оставив помощницу с шаром снаружи.

– Архивариус? – недоверчиво уточнил я.

Посол Семисвета заулыбался шире.

– Не только, – вкрадчиво заметил он. – Ещё и архив.

У меня выступили слезы. Вскрикнув что-то неразборчивое, я бросился ему на шею.

– Что такое? – спросила Ирина.

Распахнув дверь, она заглянула в туалет, но, увидев нас с послом в тесных объятиях, охнула и выскочила обратно.

– Если так пойдет дальше, – проворчал голем. – Нас обвинят в нападении на магистрат.

– Да, – согласился Оливье. – Сначала архимаг, теперь посол. Ты слишком любвеобилен, крысеныш.

– Расскажите, что случилось после того, как... – начал я, стараясь подобрать правильные слова.

– ...он меня убил! – закончил хранитель.

Его писклявый голос дрожал от гнева. На серой физиономии и пухлом теле вздыбилась редкая шерсть. Он с ненавистью смотрел на новый облик архивариуса.

– Успокойся, мы на одной цепи! – гаркнул голем.

Оливье покачал уродливой головой.

– С ним. Я перемирие не заключал, – сухо процедил он.

– С кем вы разговариваете? – не понял архивариус.

– Долгая история, расскажем позже. Начните вы. Боюсь, нам не дадут много времени. Можете позаботиться о безопасности?

Посол Семисвета сконфуженно огляделся и обвел нас изящным жестом руки.

– Чары тишины. Нас никто не услышит, и не побеспокоит. Но вы правы, как говорил приговорённый к смерти, косясь на топор: «Времени катастрофически не хватает», – он кивнул и продолжил. – Не ожидал, что у вас визуализатор. Шар портит мой план, – он задумчиво потёр бородку, но увидев скривившегося голема, добавил. – Подумаю об этом позже, у нас более важная проблема...

– Потерпишь, убийца. Сначала ты выслушаешь то, что я скажу! – заорал Оливье.

– Он тебя не слышит! – зашипел Евлампий.

Я вздохнул. Сколько продлятся мои мучения?

– Когда тридцать первый Мровкуб загорелся, я невольно вернулся в архив. Меня ждало много невыполненных дел и неприятных сюрпризов. Магистрат открыл пропажу последнего гомункула и требовал разъяснений. К сожалению, я от природы не способен ко лжи.

Мы ахнули в три голоса. Даже хранитель позабыл обвинительную речь, театрально схватившись за грудь.

– Вы всё им рассказали? – не поверил я.

– Не всем, – ответил архивариус, опустив глаза. – Только одному послу Семисвета.

– Не понимаю? – залепетал голем. – Как вы попали в его тело?

– Это не его тело, – пояснил лже-посол, потеревив себя за щеку. – Как говорил старый чернокнижник, сослепу превративший кота в чупакабру: «Нелепый несчастный случай!» С

послом тоже самое. Он погиб на рыбалке.

– Как? – изумился я.

– Как сказал маг из гильдии Камневаров попав под обвал: «Рок приходит в самых неподходящих обличьях».

– Бред нахлебавшегося юнги, – пробормотал Оливье. – Посмотрите в его страшные глаза. Он его убил!

– Кто? Что? – вздохнул голем. – Ничего не понимаю, господин бывший архивариус, расскажите по порядку.

Посол Семисвета облокотился об раковину, задумчиво разглядывая меня.

– Вы возмужали, юноша.

– Да, – согласился я. – В тюрьме хорошо кормят.

– Извините, что напомнил, – архивариус опустил глаза. – Отчасти в вашем положении есть и моя вина.

– Время не на нашей стороне, – напомнил голем.

– Вы стали для меня больше, чем попутчиками... Увидев вас живыми, я растрогался, – лже-посол прикрыл глаза. – Я соберусь...

Евламий нетерпеливо заерзал на плече, но промолчал. Такой тактичный в последнее время. Не узнаю каменного выскочку.

– После гибели последнего Мровкуба, я остался без защиты, а мага переполняла сила, – смущенно продолжил архивариус.

Оливье чуть не встрял, но голем решительно потянул за цепь.

– Он застал меня врасплох. Настоящий магический сыщик по имени Ниро Волков. Старинная чародейская династия, опора королевской фамилии Семисвета. Источник магии не обделил его сиянием, пока я управлял тридцать первым Мровкубом, даже не почувствовал его в архиве, – лжепосол вздохнул. – А он сидел в гостевом кресле, смотрел, оценивал...

– Давайте опустим детали, – попросил голем. – кто-нибудь может войти.

Архивариус с опаской покосился на дверь.

– Помощница не позволит посторонним вмешаться в наше общение, но вы правы, время против нас. Волков хотел узнать о вас.

– Обо мне? – не поверил я.

– Я тоже удивился, как волшебник, заколдованный на необитаемом острове. Но, сомнений нет. Магистрат пристально следит за вашими путешествиями, Люсьен.

Я вытаращил глаза, невольно вскрикнув:

– Моими?

– Магистрат ведёт исследования генеалогических древ, не попадающие в архив. У вас, юноша, интересная родословная. А из-за необъяснимой привычки оказываться в центре событий к вам приставили лучшего магического сыщика.

Я даже сказать ничего не успел, вмешался голем.

– Случайные стечения обстоятельств. Как можно считать их привычкой? – строго произнес он.

Оливье неопределенно хмыкнул. Я покосился на него. Хранитель вкуса глубокомысленно изучал ошейник. С очень уж невинным для его коварного естества видом.

– Ты что-то знаешь, дядя? – с нажимом поинтересовался я.

– О чём? – вздрогнул он, словно не следил за разговором.

– О моей увлекательной родословной? – прошипел я. – Ты же мой крестный!

– Да? – Оливье пожал плечами. – Я и забыл. О твоей семье мне мало что известно. Все твои предки оборотни. По крайней мере, бабушка точно. Может, до него и были орки, я почти в этом уверен, но доказать не могу.

– И всё? – перебил я, не обращая внимания на его шуточки.

– А ты что ожидал? – заинтересовался хранитель. – Предка колдуна?

Я хотел резко ответить, но меня остановил архивариус. Он предупредительно покачал головой и, приглядываясь, подошел вплотную. С сомнением поднес руку к моему левому плечу и сжал в кулак. Хранитель вкуса отскочил, прижавшись к шее.

– А! – заверещал он. – Убийца хочет меня добить! Помогите!

– Что за паника? – засомневался голем.

Он свесился с плеча и, держась за цепь, поглядывал на лже-посла. Тот поднес руки к лицу, сложив из них подзор-

ную трубу.

– Не может быть, – пробормотал архивариус.

Мы затаили дыхание.

– Спасайте! – взвизгнул Оливье. – Он колдует!

Лже-посол шевелил губами, подкручивая невидимый окуляр.

– Меня на абордаж не возьмешь! – пищал хранитель вкуса.

– У вас всё в порядке? – спросила Ирина из-за двери.

– Да, госпожа. Дайте минутку, – крикнул в ответ голем. –

Всё хорошо.

– Не думаю, – сказал я, косясь на трясущегося Оливье.

– Он меня убьет! Ему мало бедного Волкова!

Лже-посол настроил невидимый прибор и охнул.

– Хранитель! – потрясенно поделился он. – Вы не перестаете меня ошеломлять, юноша. Разгуливать по королевской резиденции с хранителем!

– Это мастер Оливье! – пояснил голем.

Архивариус отступил, прижавшись к умывальнику.

– Так, – забубнил он. – Неожиданно. Мне нужно всё обдумать. Хотя, это многое объясняет.

– Думай, огузок недоеденный. Что бы ты ни выдумал, я не сдамся, – держась за цепь и грозя крошечным кулаком, крикнул Оливье.

– Закончите про посла, – попросил Евлампий.

– Простите, но как говаривали защитники: «Не каждый

день встретишь хранителя возле своего дома». К несчастью, время не останавливается, и, в отличие от нас, не отдыхает, – всё же согласился архивариус. – Вы слишком часто вмешивались в дела магистрата, юноша. Волков заподозрил заговор. Провёл нити к предателям-защитникам, а когда вы встретились с Оксаной Росянко... Пришлось рассказать ему...

– Значит, – тяжело вздохнул я. – Магистрат всё знает?

– Нет!

– Как так? – не понял я.

Лже-посол улыбнулся.

– Как говорили первые паломники к источнику магии: «Нам несказанно, необычайно повезло, что здесь нет очередей». Волков не торопился делиться с остальными.

Я облегченно выдохнул.

– Зря радуешься, – прошипел Оливье. – Что случилось с послом? Теперь на тебя повесят и его убийство. Любитель гомункулов оправдается, а обвинят, как всегда, оборотня!

– Не слушай его, – отрезал голем. – Он не о тебе беспокоится.

– Мы на одной цепи! – напомнил хранитель вкуса.

Евламий только прошипел в ответ.

– Продолжайте, – попросил он лже-посла.

– Высокомерие Волкова стократно превосходило все его качества. Он хотел заграбастать всю славу себе. Приказал мне вернуться и полностью завладеть вашим доверием, – пожаловался архивариус. – Даже помог создать собственную

копию. Этого самого гомункула.

Я напряженно слушал. Голем тоже нервничал, прохаживаясь по моему плечу.

– Это запрещено, – рыкнул он.

– Ты совершенно прав, но у магистрата свои правила.

– Как вы так быстро создали нового гомункула? – подозрительно спросил Евлампий. – На это нужен не один день.

Лже-посол даже порозовел и отвёл взгляд.

– Магия крови, – нехотя выговорил он.

Голем аж подскочил.

– И волшебник согласился?

– А что такого? – ничего не понял я.

– Если отдать свою кровь – гомункула можно вырастить за несколько часов! Но вместе с кровью чародей отдаёт часть своей силы, – немногие добровольно пойдут на такой риск.

– А её можно потом вернуть? – вздрогнув, спросил я.

– Это непросто, – заворчал Евлампий, – очень непросто. Чтобы вернуть силу нужно уничтожить гомункула рядом с отдавшим кровь магом, тогда она перетечёт обратно. Иначе гомункул вернётся возродится в месте своего творения.

– Есть и другой способ, – не выдержал архивариус. – Если провести ритуал очищения крови, то пусть гомункулов будет даже сотня, они вернут кровь и силы владельцу, где бы он не находился, даже в другом мире.

– Я слышал, – отмахнулся голем, – но ритуал такой сложный, что потребуется годы, чтобы его завершить.

– Только безумец согласится на такое, – бросил хранитель.

– Магия крови опасна, – пожал плечами лже-посол, – но если бы у Волкова получилось, он со временем занял моё место и шпионил за вами сам, – архивариус улыбнулся белозубой улыбкой. – Но нам повезло! Пока гомункул созрел, он решил махнуть на рыбалку. Сейчас это очень модное времяпровождение, говорят, даже сам император не брезгует забросить удило. А Семисвет единственный из миров, где обитает окаянный водяник. Из него получается бесподобная рыба по-семисветски. На нарезанный перец трех цветов, колечки чеснока, кинзы и петрушки выкладывается филе водяника и сдабривается соусом...

– Продолжай, – возбужденно выдохнул Оливье.

– Масло, кумин, паприку и куркуму, подсаливают и тщательно взбивают...

Я тяжело вздохнул. Архивариус осекся и виновато опустил глаза.

– Волкову попался огромный водяник. Пока он боролся с рыбиной, набрал воды в лодку.

– Почему он не воспользовался магией? – удивился я.

– С колдовством не интересно, – пояснил голем.

– Именно, – согласился архивариус. – Волков считал, что ловить рыбу заклинаниями может любой студиозус. Тем более что сам император ни разу не произнёс ни одного заклятья... но не суть. Водяник отчаянно сопротивлялся и тащил удило под корму. Лодка качалась. Посол потерял равновесие,

заскользил по мокрым доскам, ударился головой об уключину и скончался на месте.

– Какая чушь, – пробормотал Оливье. – Маги так не умирают.

– О его планах никто не знал? – уточнил голем.

– Честолюбие не позволило ему раскрыть все карты, – уверенно ответил архивариус.

– Значит мы в безопасности? – спросил Евлампий.

Лже-посол покачал головой.

– Я бы не спешил в Благоград, будь так. Люсьен похитил принца и ключ от Отдельного мира, отравил короля Дарвина...

– Все было не так! – возмутился я.

– Магистрат считает, что так, – возразил архивариус. – Вас не отпустят. Я прознал, что в тайную канцелярию со дня на день придут неопровержимые доказательства убийства Оливье.

– Откуда им взяться? – наивно спросил я.

– Не имеет значения, – вмешался голем.

– Но что им от меня нужно? – воскликнул я.

– Артефакт! – разъяснил Мровкуб.

– Всем нужен символ свободы. Вон Сыч тоже хотел его получить, но у нас его нет, – расстроено сообщил Евлампий.

– Но мы знаем, где он, – успокоил я архивариуса. – Мастер Оливье оставил его в залог...

– Замолчи! Почему мы должны верить в эту ахинею? А что если он врёт? Вдруг перед нами настоящий Волков? – вмешался хранитель. – Выпытал всё у архивариуса и дурит нам башку!

Я с сомнением посмотрел на него.

– У нас нет времени на колебания, – отрезал Евлампий.

– Что же делать? – спросил я.

– Думаю, у господина архивариуса есть план, – ответил голем, выразительно глядя на лже-посла.

– Как говорят в гильдии Иллюзий: «Реальный мир суров и заставляет пренебрегать принципами ради высших ценностей», – начал архивариус, но, наткнувшись на суровый взгляд голема, продолжил рассказ. – После смерти Волкова я спрятал тело и забрал гомункула. Никто не знает, что он погиб, – лже-посол подцепил пальцем значок, круг, перечеркнутый двумя косыми линиями. – Это символ магистрата. Он открывает любые двери, даже в королевскую резиденцию, юноша. Правда, я думал, что артефакт у вас, но это ничего не меняет. Я заберу вас после приёма. Только избавьтесь от пузыря.

– Да, – согласился Евлампий. – С ним не сбежишь...

– Господин посол? Нам пора возвращаться. Вы можете встретиться с мастером Носовским позже, – напомнила Ирина из коридора.

– После приёма мы потребуем снять заклятие зримой визуализации, – высказал предложение голем.

– Да, да, – согласился архивариус. – Избавьтесь от сферы, и я вас освобожу.

Он протянул руку, и я пожал ее.

– Удачи, юноша.

Я благодарно кивнул и вышел в коридор. Пузырь подплыл к голове и потерялся о растрепанные волосы.

– Прошу прощения, у мастера Носовского много дел. До приёма осталось всего два часа.

Ирина поклонилась послу, и мы направились на кухню. По дороге она подозрительно косилась на меня, пережёвывая вопрос.

– Господин Волков, старый знакомый мастера, – пояснил голем.

– Да? И давно вы дружите с магистратом, о котором ещё недавно не имели понятия? – хмыкнув, произнесла помощница. – А ещё обещали помочь мне распутать смерть учителя.

Я вздохнул. Как хочется обычной тишины.

– Простите, Ирина, я даже не знал, что Волков теперь служит в магистрате, – попытался обелиться я.

– Нет ничего искреннее старой дружбы, – добавил голем. – Она ценнее связей и надежнее колдовства.

Помощница не слушала Евлампия, задумчиво поглядывая на меня.

– Что же вы ему рассказали? – требовательно спросила она.

– Что в Благораде великолепные сыщики, – встрял голем. – Много молодых и одарённых. Замолвили за вас словечко, госпожа.

Ирина подозрительно сощурилась, но я всё равно многозначительно кивнул.

– Я буду жаловаться! – заметив нас, заголосил главнейший повар. – Бессовестный посол потратил слишком много вашего драгоценного времени. Я бы сказал, похитил его у наших вкусовых рецепторов и преданных кулинарии сердец.

Я завистливо вздохнул. Вот бы мне так выразаться. Везёт же некоторым.

– Ирина! – продолжил её отец. – Избавь нас от дальнейших посягательств на мастера Носовского. Королевская кухня больше не потерпит вмешательства в свои дела! Тебе лучше уйти!

Помощница не ответила, бросила на главнейшего повара яростный взгляд и отошла к дверям.

– Вы слишком суровы! – заметил голем. – Ваша дочь лишь выполняет свою работу.

Моё согласие с Евлампием отразилось в предательском пузыре. Появившаяся копия повара отрастила рога, как у поглотителя, и указывала маленькой заплаканной девочке на дверь.

– Да ты художник! – хихикнул Оливье.

Я промолчал, давая несвоевременные мысли.

– Пожалуйста, – настойчиво протянул главнейший повар,

бросив косой взгляд на сферу, и подхватил меня под локоть. – Давайте не будем отвлекаться, мы не успеем закончить с меню до приёма. Открытый пир вот-вот начнётся!

Я вывернулся из его рук, и покосился на Ирину. Она наверняка слышала, что мы за неё заступались и видела картинку в шаре. В её подозрительном взгляде появился тёплый лучик благодарности, и я, не сдержавшись, помахал рукой. Помощница смутилась, но все же ответила и металлические заклёпки кожаного браслета на её запястье засверкали в свете ламп.

– Поклонница появилась, – хмыкнул Оливье.

Я красноречиво посмотрел на сморщенное тельце и строго спросил:

– Что дальше?

– Поспешим! – ответил он.

Посыпались новые распоряжения. Кухари суетились. Голем молчал, а главнейший повар, как и прежде, восхищался моими талантами и умениями. Я признаться и сам получал удовольствие. Только мне хотелось не болтать, а готовить вместе со всеми. Я запоминал дядиными команды, в надежде, что его драгоценный опыт когда-нибудь пригодится. И вскоре так приноровился, что отсекал ненужное, не задумываясь. Всё портило замечание Оливье об обмане, оно упорно не выходило из головы, мешая почувствовать себя настоящим поваром. Может ли посол Семисвета оказаться не архивариусом, а самим собой? Если он настоящий Волков, что

ему это даёт? Он же ничего не узнает. Я ведь не участвую в страшных заговорах. Я обычный оборотень, и в моей родословной нет ничего интересного.

В шаре огромная рыба прыгнула на лодку и откусила голову. Я вздрогнул, приглядевшись. Это была не рыба, а жуткая тварь, похожая на поглотителя, только без рогов.

Занятый размышлениями, я не сразу понял, зачем главный повар дёргает меня за руку.

– Мастер Носовский, поздравляю! Я покорен вашим виртуозным владением величайшим из искусств. Вы достойный ученик своего учителя!

Оливье только фыркнул в ответ, а я кратко ответил:

– Благодарю!

Пугающие образы мгновенно растворились в серой мгле сферы, но я всё же нервничал.

Вслед за главным поваром ко мне полезли кухари. Каждый пытался потрясти руку и услышать ответный комплимент за неоценимую помощь в подготовке Традиционного Таньшанского обеда. За поиск свежей крольчатины! За профессионально нарезанный укроп!

Еще пару минут, и они поотрывают мои конечности на сувениры, чтобы показывать поварьям золотые руки известного кулинарного мастера.

Я попытался выбраться из окружения, но они и не думали отступать. Белые колпаки всё пребывали, и мне стало казаться, что одни и те же кухари подходят по второму разу.

– Вы позволите, я лично займусь сервировкой? – попросил главнейший повар.

– Конечно, – энергично согласился я, цепляясь за спасителя. – Только вытащите меня отсюда, я устал и хочу отдохнуть.

– Понимаю, вы потратили столько сил. Так великолепно справились! Разойдитесь, бездельники, мастер утомился! – гаркнул он и хлопнул в ладоши.

Магия растащила кухарей к столам.

– Мой кабинет к вашим услугам! Я сообщу, когда накроют пиршественный зал!

– Зачем? – не понял я.

Главнейший повар снова хлопнул в ладоши, на этот раз над головой. Из открывшихся ниш на кухню хлынули разносчики в радужных костюмах. Они, не останавливаясь, подхватывали со столов блюда, виртуозно распихивали их по подносам, и выходили в коридор.

– Вы еще и скромны! – проворковал главнейший повар.

– Ещё как, – ухмыльнулся Оливье. – Нагадит и глаз не поднимет!

Я не обратил внимания на колкость. Главнейший повар с гостеприимной улыбкой впустил меня в кабинет:

– Располагайтесь! Прикажу не тревожить вас до приёма. Отдыхайте!

– Спасибо, – поблагодарил я, проходя в открытую дверь.

Почти всю крошечную комнату занимали высоченные

шкафы, ломившиеся от книг. Потрескавшиеся от времени, но гордые обложки выпячивали свои названия: «Драконьи радости! Все рецепты», «Тысяча и одно блюдо по-таньшански», «Что ели в Стародоле. Краткий справочник» и даже «Тысяча оригинальных комплиментов славному кулинару».

Так вот откуда главнейший повар нахватался эпитетов.

– Я бы тут пожил пару месяцев, – заинтересованно закивал хранитель вкуса.

Между огромных шкафов скромно прятался низкий стол с залитыми кляксами тетрадами и рядами пустых реторт. Над ним висел внушительный портрет заносчивого молодого колдуна в короне. Я не успел его толком разглядеть, когда прыгнув от стены, ко мне подскочил пухлый мохнатый диван, трясясь от нетерпения.

– Не бойся, – пояснил голем. – Садись без опаски. Магии почти нет.

Развалившись на мягких подушках, я настороженно озирался, но, не заметив за диваном больше никаких чудачеств, прикрыл глаза.

– Умаялся? – сочувственно поинтересовался Оливье. – Тяжело быть достойным учеником, не прилагая усилий?

– Очень, – беззлобно отмахнулся я.

– Пользуйся, – разрешил хранитель. – Может, научишься чему-нибудь!

Я, лениво жмурясь, кивнул.

– Вы чего, с ума посходили? – неожиданно взревел го-

лем. – Я единственный, кому небезразлично наше общее будущее?

– Чего орать? – отмахнулся я. – Архивариус нас спасёт!

– А если это не он? – вскрикнул Евлампий.

– А кто? – открыв глаза, недовольно спросил я.

– Волков, – усмехнулся Оливье.

– Хотя бы, – не отступал голем.

– Чего же ты хмыкал, валун, когда я так сказал? – разозлился хранитель.

– А что, надо было согласиться при архивариусе? Сказать ему в глаза, что он предатель!

– Подумаешь, – уже не так уверенно, проговорил Оливье. – Пусть не думает, что мы его не раскусили.

– Чушь! – взвизгнул Евлампий.

Я вздохнул. Совсем покоя не стало. Выдалась редкая возможность вздремнуть в тишине, и ту испоганили.

Я расстроено встал.

– А если он, это он? – недовольно спросил я.

– Как можно быть уверенным? Больно все гладко в его рассказях, – убежденно ответил голем. – Маги такого уровня быстрее отправятся на покой, чем добровольно воспользуются магией крови.

– У них песка в пустыне не допросишься, – согласился хранитель.

– А где вы видели, что бы высшие чародеи об уключины головы разбивали? Нельзя полагаться на случай, – Евлампий

хрипло вздохнул. – Надо проверить!

– Как? – потребовал я и задумался.

Поди узнай, гомункул перед тобой или нет? Не думаю, что очень просто разобраться, особенно для блёклого. С другой стороны обязан же настоящий чародей отличаться от оживленного волшебством.

Я заинтересовано посмотрел на голема.

– Есть несколько способов, – сказал он.

– Не свисти, – вмешался Оливье. – Гомункул такой же кусок мяса, как любой колдун.

– Любительский подход. Чары оставляют следы. Их только надо уметь находить. Это дано не каждому.

– Опять заврался! Как тогда отличить настоящего волшебника от захваченного хранителем?

– Легко, – твёрдо заявил Евлампий.

– Что же ты меня не раскусил, заносчивый валун? – поддел хранитель вкуса.

– Во-первых, для проверки, нужны подозрения, а я не представлял, с кем имею дело.

Оливье хмыкнул:

– Не убедил.

– Во-вторых, самый простой способ узнать хранителя – посмотреть ему в глаза.

– Волшебно, – подтрунивал Оливье, – и что ты там увидишь?

– Багровую пустоту.

Оливье довольно заржал.

– Всегда знал, что ты пустозвон. Мелешь почём зря.

Я вспомнил Фейри Хаус и глаза Мровкуба, в которого вселился хранитель силы. Кровавую жижу в пустой глазнице.

– Подозреваю, – холодно заметил Евлампий. – Что вы как-то научились контролировать свои глаза. Точнее, один!

Оливье поперхнулся смехом:

– Ты валун, не зарывайся. Нам гомункула проверить надо, а не меня. Помнишь, мы на одной цепи!

– Сейчас не время для вражды, – легко согласился голем. – Есть много способов отличить живое существо от сотворенного. Все магические создания издают тонкий, едва различимый аромат.

– Все пахивают, – проворчал хранитель. – Идеальных нет.

Голем с шумом втянул воздух, но все-таки продолжил:

– Запах очень слабый, говорят, напоминает аромат свежеиспеченного хлеба, но благовония его нейтрализуют.

Я кивнул. Буду знать, чем пахнут гомункулы.

– Поэтому надежнее, попробовать его на вкус, – продолжил Евлампий.

– Как это? – опешил я.

– Сожрешь его. Если через полчаса изжоги не будет, Волков был вправдашний! – посоветовал Оливье. – Ну а если запершит...

– Не буду никого есть, – испугался я, с тревогой повер-

нувшись к голему.

– Кусать не надо, – разрешил он. – Только попробовать. Сотворенный гомункул кислый, от него щиплет язык.

– Из него выйдет кумысный слоеный пирог, – мечтательно протянул хранитель.

Я мерял кабинет главнейшего повара шагами.

– Как ты это представляешь? – тревожился я. – Извините, можно облизать вашу ногу? Я не голоден, просто вкус хочу узнать.

Меня передёрнуло.

– Кто же оборотню поверит, – усмехнулся Оливье. – У тебя же на морде написано: «грызть». Отхватишь пол ноги и за бугор кость обглаживать!

– Видишь! – взвизгнул я дурным голосом.

Голем вздохнул.

– Третий способ еще хуже.

– Куда уж паршивей, – не поверил я.

– Нужна свежая не свернувшаяся кровь...

– Хватит, – перебил я. – Плохой способ. Сразу исключаем.

– Ну, что, будешь лизать архивариуса? – веселился хранитель.

– Только ради истины, – отрезал голем.

Дядя гнусно хихикнул, но добавлять ничего не стал.

Я закатил глаза. Почему всегда так, сомнения у Оливье, предложил Евлампий, а лизать должен я. Он же грязный. Что мне его, помыть перед употреблением?

– Не расстраивайся, – бодро провозгласил голем. – Мы придумаем предлог, чтобы все выглядело естественно.

– Что надо изобрести, чтобы облизать мага? – закатившись, проблеял хранитель.

– Люсьен может на него что-нибудь уронить на приеме. Пирожное, например, – предложил Евлампий. – Главное быть вежливым, как архивариус.

Оливье засмеялся сильнее.

Я недоуменно посмотрел на голема и решил присесть. Он меня доконает мудрыми советами. Молчал бы лучше.

– Не гневайтесь и не обращайтесь на меня внимания, – затянул хранитель тоном архивариуса. – Мое суфле испачкало изысканную ткань вашего костюма. Не отвлекайтесь! Я слижу последствия своей неуклюжести и незаметно уйду.

Я не выдержал и засмеялся вместе с ним.

– К чему эти глупости? – озадаченно спросил Евлампий. – Зачем притягивать внимание?

– Точно, гром и молния! Нужен сообщник, – ухахатываясь, еле выговорил Оливье. – Чтобы отвлекал гомункула, пока ты будешь лизать, – добавил он, ткнув меня в шею, и мы снова покатались со смеху.

Голем веселья не разделял.

– Так бессмысленно напрягать восемьдесят мышц, – пробормотал он.

Устав смеяться, я откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Сделаю, как обычно. Отдохну, а в это время всё ре-

шится само собой.

Голем ещё бубнил. Хранитель тонко попискивал, уже не в состоянии смеяться. А я начал дремать, но разоспаться не успел.

– Приём, мастер Носовский! – прокричал ворвавшийся в кабинет главнейший повар. – С минуты на минуту прибудет король. Поторопитесь!

– Может, на нём потренируешься? – пошутил Оливье.

– Не думаю, что от него язык зашиплет, – тихо ответил я, вставая с дивана.

– Не попробуешь, не узнаешь, – запротестовал хранитель.

– Помолчите, – зашипел голем. – Королевский обед не место для шуток.

Я упрямо покачал головой, но волнение подкатило без моего согласия. Мне ещё не приходилось бывать на пирах. Ни открытых, ни закрытых. Обратней обычно не приглашают на приемы.

– Не волнуйтесь, мастер Носовский. Таньшанский обед великолепен! Прекрасен! Восхитителен, – зачастил главнейший повар.

Вспомнив про пузырь, я поднял глаза. В сфере метался испуганный чародейчик. Таких рисуют маленькие дети. Круг и пять палочек. Он натыкался на мебель. Падал. Подпрыгивал. Кувыркался, а потом и вовсе потерял голову, но быстро поднял, закинув обратно на плечи.

Я вздохнул. Что творится в моих мыслях? Я же так не ду-

маю. Зримый визуализатор что, сам сочиняет и показывает разные глупости?

– Поверьте! – тараторил главнейший повар. – Такого вкусового наслаждения местная публика еще не получала. Вы мастер! Гений!

– Да! – гордо согласился Оливье. – Мне даже тело не нужно.

Я кивал, не утруждая себя словами.

Проскочив замершую в ожидании кухню, мы минули коридор с уборной, где я встречался с архивариусом, и через разноцветную дверь попали в пиршественный зал. Compliments главнейшего повара потерялись за перешептыванием гостей, музыкой и звоном бокалов. Тысячи свечей без подсвечников раскачивались под стеклянным куполом, разбрасывая игривые огоньки. Капельки воска собирали крошечные, нежно щебечущие создания с тонкими, почти неразличимыми лапками и пушистыми белыми крыльями. Величественные колонны обвивали золотые стебли с изумрудными листьями и жемчужными зёрнами риса-сырца. Стены пестрили мозаиками с цветущими садами. Длинные столы на высоких резных ножках ломались от созданных нами с Оливье угощений. Между ними прогуливались королевские гости с фужерами, и бросали взгляды к дальней стене зала. Где на фоне гобелена с огромной, переливающейся радугой, возвышался трон из сверкающих кристаллов хрусталя.

– Минуточку внимания, – повысив голос, крикнул глав-

нейший повар. – Хочу представить вам блистательного повара, ученика известного во всех тридцати мирах мастера Оливье. Виртуоза вкусовых впечатлений, мастера Носовского!

Скучающее общество с интересом повернулось в нашу сторону. Взгляды сотен глаз впились в мою скромную персону. Я смутился, невольно отступив к двери, но на выручку пришел хранитель.

– Повторяй за мной, – прошептал он.

Я прокашлялся в кулак и воспроизвел его слова:

– Дорогие чародеи! Я горд оказанной высокой честью! Раздражать вкусовые рецепторы столь блистательного общества – желаннейшее из наслаждений. Я старался изо всех сил, чтобы вы долго не забыли сегодняшний открытый пир.

Главнейший повар ткнул меня в бок. Скосив взгляд, я заметил, что трон уже не пустует. На нем восседал молодой волшебник, тот самый с холста в кабинете.

Оливье тоже заметил королевскую особу и скомандовал:

– Повернись!

У меня в руках появился бокал с шипящим вином. Невидимые разносчики, прячущиеся в нишах, с помощью магии доставляли гостям напитки.

– Мой король! – провозгласил я вслед за хранителем и поклонился, понукаемый големом. – Позвольте выразить безмерную радость. Вы разрешили мне, хоть и на один день, стать вашим поваром! Таньшанский обед из семи блюд в вашу честь!

Монарх надменно кивнул, даже не остановившись на мне взглядом. Он осматривал гостей, кого-то разыскивая. Я тоже пробежался глазами по залу, но не увидел ни посла Семисвета, ни архимага Благолюба.

В голове пронеслись неприятные мысли. Я немедленно задал их, чтобы не допустить в шар визуализации. Скопился на пузырь, наполненный непроглядным туманом. Облегченно выдохнул и пригубил вино.

– Потрясающе, великолепно! – бормотал главнейший повар.

– Поз-Воляюю на-Чать тра-Пезу! – произнес молодой король ломающимся голосом.

Гости засуетились, бросившись к столам, и я с трудом сдержался, чтобы не последовать их примеру.

– Держи себя в руках, – прошипел Евлампий.

Я отвлёкся на пузырь. В шаре из тумана выпрыгнул маленький волчонок, поднял мохнатую морду и, роняя слюни, завыл.

– Против естества не попрешь, – кривя серую рожу в подобие улыбки, заметил Оливье.

Я загнал голод поглубже, представляя лесистые холмы вокруг Скалы Советов. Помогло. Зримая визуализация изменилась. Появились заросшие деревьями дебри, тонущие в туманной дымке.

– Я вас оставлю ненадолго, – сообщил главнейший повар и побежал к трону.

Молодой король скущаяще осматривал зал. Гости наслаждались семью блюдами и другими изысками меню.

– Позвольте предложить тост за долгое, счастливое правление его высочества принца Джона Третьего! – предложил знакомый голос.

Незаметно подошедший посол Семисвета силился изобразить подходящую случаю светскую любезность.

– За принца! – я стукнул его бокал.

– Не знаете, как дела у глубокоуважаемого архимага? – поинтересовался лже-посол.

Я пожал плечами.

– Трудно сказать, – поддержал предложенную игру Евлампий. – Не имел чести видеть его на приеме.

– Жаль, – отозвался посол Семисвета. – Пойду, поищу. Нам стоит обсудить проблему визуализации. Прошу прощения.

– Поклонись, – прошипел голем. – Надо блюсти этикет на публике.

Я склонил голову. Лже-посол кивнул в ответ и исчез среди гостей. Зато вернулся главнейший повар с обескураженным, застывшим лицом.

– Его высочество ценит ваши старания, – выдал он, усердно подбирая слова, – но не является поклонником Таньшанской кухни!

– Что? – взвыл Оливье. – Как смеет этот мозгляк хаять мой обед?

Я напрягся, но сосредоточился на пузыре. Не хватало еще всем показать неуважение к королевской особе. Покосившись на шар, я вздрогнул. В тумане проплыл пенек, с воткнутым в него топором.

– Вас проводят! – растерянно добавил главнейший повар.

Будто из воздуха возник гладко выбритый дворецкий в синей ливрее.

– Носовский! – дерзко сказал он. – Следуйте за мной.

– Извините, – вмешался голем, – но нам нужен архимаг.

Он забыл снять заклятье!

– Пузырь исчезнет через час. Времени хватит, чтобы достигнуть тюрьмы, – вызывающе прогнусавил дворецкий.

– Но... – начал Евлампий.

– Следуйте за мной.

Главнейший повар отошел подальше. Напыщенное лицо из смущенного стало брезгливым.

Я вздохнул. Так хорошо начиналось! Мастер, виртуоз. Прекрасно, великолепно. А теперь нос воротит.

Заметив высокомерные взгляды гостей и приближающихся стражников, я двинулся за дворецким.

– Безобразие, – возмущался Евлампий. – У всех равные права.

На выходе из зала нас догнал посол Семисвета.

– Остановитесь, – приказал он.

Дворецкий скривился и неохотно замер, но, увидев, кто к нему обращается, вытянулся по струнке.

– Ждите здесь, я верну мастера Носовского через минуту.

– Как пожелаете, ваше превосходительство!

Лже-посол взял меня за руку и потащил к ближайшей стене.

– Мы опоздали, – прошептал он. – В тайную канцелярию передали твою бездонную сумку.

– Мою! – заревел Оливье.

– Мою? – возмутился я.

– В ней уловитель магии, – продолжил архивариус. – Вам предъявят обвинение в попытке магического воздействия и пособничестве убийству.

– Не имеют права. Сумка принадлежит Оливье, – возмутился голем.

– Боюсь, уже нет, – не согласился лже-посол. – Бездонная сумка теперь ваша, Люсьен.

– По завещанию? – уточнил я.

– После смерти Оливье, – рассердился голем.

– На это закроют глаза. Никто не посмеет воспротивиться магистрату, – отмахнулся архивариус.

– Хватит сопли жевать, – осадил хранитель. – Что делать будем?

Лже-посол встрепенулся.

– Из-за новых улик, я не смогу забрать вас прямо сейчас. Придётся похитить по дороге в тюрьму, но отражающее заклятье на пузыре будет мешать.

– Но архимаг! – вмешался Евлампий.

– Упёрся! Бредит предосторожностями. Даже отобрал у помощницы свою трубочку. Заклятье рассеется через час, но как говорил охотник на ядоплювов, не дотянувшись до противоядия: «Теперь слишком поздно», – прошептал он. – Поэтому я ускорю ваши личные часы, и пузырь сдуется до тюрьмы.

– Вы меня заколдуете? – испугался я.

– Юноша, – строго произнес архивариус. – Для волнения нет повода. Не шевелитесь пару секунд.

Он положил тонкие кисти мне на плечи, и я зажмурился.

– Потрясающее построение чар, – прокомментировал голем. – Он отводит на меня заклиятие отражающего купола.

Я приоткрыл один глаз. Лже-посол вздернул руки и неожиданно вlepил мне затрещину.

– За что? – обиженно промычал я.

В глазах двоилось. Зал расплывался, никак не складываясь в прежнее великолепие.

– Меня мутит, – пожаловался я.

– Сейчас пройдет, – заверил архивариус.

Я сглотнул и схватился за его строгий камзол. Голова кружилась, я не различал обступающие меня силуэты.

– Самое время, – сказал на ухо голем.

– Что? – простонал я.

– Лижи его, – скомандовал Евлампий.

– Не хочу, – пробормотал я. – Меня вырвет.

– Другого шанса не будет, – настаивал голем.

Лже-посол придерживал мое шатающееся тело, и я нехотя прижался к его плечу. Проглотил подступивший ком и, не прекращая повторять про себя «так надо», коснулся его шеи губами.

– Мастер Носовский, – услышал я Иринин голос, и мне совсем поплохело.

Не знаю, есть в нём кровь Волкова или нет, но язык щипало.

Глава 4. Побег

– Как только пузырь исчезнет, я тебя освобожу.

Услышал я, прежде чем разомкнулись объятия, и серое пятно архивариуса удалилось.

– Следуйте за мной, – настаивал неприятный голос.

Мантия скрипела от грубых рывков.

– Не трясите мастера Носовского, – возмутилась Ирина.

Я сглотнул кислую слюну. Посол Семисвета – гомункул. К чему бы это? Архивариус изрекает правду? Голова не соображала. Я видел размытые тени, а свой собственный голос слышал со стороны.

– Перестаньте, – разъярилась помощница. – Сама справлюсь. Мне не требуется провожатый!

Её мягкие руки поддержали меня за плечи. Я моргнул, и муть рассеялась. Мы спускались по дворцовой лестнице к глухой стене. Солнце цеплялось за её край, расплёскивая покрасневшие лучи по разомлевшим зазубринам бойниц.

– Вы в порядке? – волновалась Ирина, всматриваясь в мои ошалелые глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.